

Л. Никулин

Писатель

☆

ДОРОГА НА ЮГ

1. ДОМ В СЕРПУХОВЕ

Снова дорога на юг. Асфальтовая лента вьется среди зеленеющих равнин. Новые дома фабричных поселков, кооперативные сельские лавки, красные флаги на домах сельсоветов, подростки с книжками, возвращающиеся из школы,—привычные картины родины, родной страны, страны Ленина, страны Сталина.

Мы подъезжаем к Серпухову. Рабочие часы—на улицах не много народу. Серпухов живет одной жизнью с Москвой, хотя сто километров отделяют его от столицы.

Осенью и зимою 1919 года в городе Серпухове в здании городской больницы находился штаб южного фронта.

Деникинцы захватили Украину, взяли Орел и подходили к Туле. По одному расположению штаба фронта в Серпухове, вблизи самой Москвы, можно было судить, какую угрозу представляло наступление Деникина.

Иосиф Виссарионович Сталин, руководитель южного фронта, предложил направление удара Харьков—Донбасс—Ростов, и Центральный комитет партии принял этот план.

Здесь, в Серпухове, претворялся в жизнь план разгрома деникинской контрреволюции. Сюда приезжали гонцы с фронта, отсюда шли директивы И. В. Сталина, здесь, в этом старинном русском городе, жил и работал с сентября по декабрь 1919 года организатор победы на южном фронте.

На Фабричной улице (теперь она называется улицей Чехова), в доме № 87, находится в наше время Серпуховский городской музей.

Город, насчитывающий теперь девяносто тысяч жителей, имеет свой музей, и серпуховские жители и заезжие люди могут узнать много любопытного о прошлом и настоящем

города, увидеть довольно ценное собрание картин русских и иностранных художников, в свое время изъятых из помещичьих усадеб. Кстати, и самый музей Серпухова помещается в бывшем купеческом особняке фабрикантов Мараевых.

Таких музеев немало в больших и небольших городах нашей страны, но Серпуховский музей представляет особый интерес, и его посетители обыкновенно начинают осмотр с небольшой светлой угловой комнаты во втором этаже.

Надпись над этой комнатой говорит о том, что здесь в 1919 году жил руководивший в то время южным фронтом Иосиф Виссарионович Сталин.

Простая железная кровать, небольшой рабочий стол, футляр от бинокля и кобура нагана на столе. Шкаф для книг, кресло, старой конструкции телефонный аппарат.

На стенах две картины. На одной вид Неаполя два столетия назад, другая картина изображает фрегат, застигнутый бурей.

Почти все эти вещи действительно находились в этой комнате в год, когда здесь жил И. В. Сталин.

Из окна, выходящего на запад, видна необъятная даль, река Ока, бархатно-черная лента соснового бора, железнодорожное полотно. Река была бы преградой на пути к Москве, если бы деникинцам удалось захватить Тулу. Но этого, как известно, не произошло.

Здесь нас охватывают воспоминания о решающих днях 1919 года. Это было суровое, героическое время. В комнате, служившей столовой, ели спартанскую, суровую пищу. В городе не было электричества. Ночью работали при свете керосиновой лампы. Именно здесь, в Серпухове, И. В. Сталин написал статью «К военному положению на юге».

«...все же несомненно:—писал И. В. Сталин,—*армии Деникина неудержимо катятся под уклон по стопам армий Колчака*, между тем, как *наши армии изо дня в день усиливаются качественно и количественно.*

В этом порука окончательного разгрома Деникина».

С такой уверенностью и спокойствием писал И. В. Сталин в то время, когда маловеры и нытики только что оправились от животного страха, в то время, когда им все еще мерещились деникинские разъезды у самой Тулы.

Статья помечена: «Серпухов, 26 декабря 1919-го года». И она была итогом героического и неустанного труда организатора победы.

Здесь, в Серпухове, 19 ноября 1919 года И. В. Сталин подписал «приказ армиям Южного фронта Российской Республики»—исторический приказ о переименовании Первого Конного корпуса южфронта в Конную армию РСФСР, о

назначении командующим Конной армией Буденного, членами Реввоенсовета Конной армии—Ворошилова и Щаденко.

Так началась легендарная боевая жизнь Первой Конной армии. Созданная по мысли Сталина, окрыленная его волей, она стала разящим клинком нашей революции.

Проходит немного более месяца.

23 и 24 декабря 1919 года И. В. Сталин говорит по прямому проводу с Ворошиловым и Буденным. Они сообщают о победах Конной армии над четырьмя полками пехоты, кавалерийскими частями из корпуса Мамонтова и Улагая и сводной уланской дивизией. Они перечисляют захваченные трофеи.

И. В. Сталин отвечает коротко, очень простыми, лишенными всякой напыщенности, глубокими, обязывающими словами:

«Реввоенсовет фронта, как и всегда, уверен в боевой мощи доблестной Конармии».

Немного раньше, 19 декабря, в серпуховской газете «Коммунист» был напечатан «Привет от красной конницы товарищу Сталину»:

«Командный состав и политкомы Первой Конной армии вместе со своим реввоенсоветом, на заседании 12 декабря, постановили приветствовать в вашем лице доблестную, славную Красную Армию южного фронта, победно идущую на освобождение Украины. Также просим вас передать братский привет неутомимому и великому вождю мирового пролетариата товарищу Владимиру Ильичу Ленину и в его лице, всем борцам за социализм».

Подписано: «Ворошилов, Буденный, Щаденко».

Так крепнет боевое товарищество, прекрасная дружба командиров и бойцов Первой Конной и того, кто создал ее боевую мощь.

И двадцать лет спустя, 7 ноября 1939 года на Красной площади первый маршал, народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов будет принимать рапорт командующего Московского военного округа маршала Буденного. А с высоты трибуны на них будет глядеть самый близкий и дорогой друг Красной Армии, вдохновитель и организатор побед Первой Конной—И. В. Сталин.

Мы перелистываем напечатанные на коричневой оберточной бумаге номера газеты «Коммунист» за 1919 год, «органа Серпуховского комитета РКП (большевиков)», читаем оперативные сводки штаба. Воспоминания о прошлом встают перед глазами с особенной остротой и силой.

«...с 21 ноября по 21 декабря армиями Южного фронта занята территория в 125 000 квадратных верст, пленных взято 5 289 солдат, около 80 офицеров, 6 бронепоездов... 52 орудия, 198 пулеметов... Целиком взяты 3 Корниловский и 143 Новочеркасский полки...»

Радость победы веет над маленьким штабным городом. Воодушевленные этой радостью, трудящиеся Серпухова обращаются к И. В. Сталину 18 ноября 1919 года:

«Пятый уездный съезд Советов приветствует вождя революции товарища Сталина и в его лице всех красноармейцев, героически сражающихся за рабоче-крестьянское дело».

Бланк Реввоенсовета южного фронта. Почти стертая от времени знакомая подпись карандашом: Сталин выражает уверенность в плодотворной работе съезда. Бой продолжается, враг еще не сломлен, но здесь, в тылу, ни на минуту не прекращается мирная работа, здесь строится, созидается советская власть, власть трудового народа.

Конец декабря. Штаб южного фронта находится в Серпухове считанные дни. Фронт переносится далеко на юг. Продолжается развитие удара Харьков—Донбасс—Ростов.

И. В. Сталин и штаб южного фронта переезжают в недавно освобожденный от деникинцев Курск. Серпухов затихает. Но в памяти жителей города, современников великой борьбы, навсегда останутся боевые, бессонные ночи, облик штабного города эпохи гражданской войны.

Серпухов—древний город, некогда сборный пункт войска Московского, сторож Москвы, защищавший столицу от врага,—на вечные времена вписан в книгу побед Красной Армии.

Мы покидаем Серпухов.

Высокие тополя у дома под номером 87 по улице Чехова, где жил и работал И. В. Сталин, останутся в нашей памяти, как почетная стража, охраняющая этот исторический дом.

Мы уезжаем из Серпухова с чувством глубокой признательности и уважения к человеку, защитившему революцию и родину в решающие, трудные дни.

Мы оставляем Серпухов, размышляя о человеке, образ которого будет привлекать мысль историков, ученых, художников, мысль миллионов людей, мысль всего человечества.

Одна страница большой жизни открылась нам сегодня в серпуховском доме, страница из книги прямой, мужественной и благородной жизни.

Человек, имя которого принадлежит истории, временами рисуется, как некая отдаленная, монументальная фигура, наделенная особыми чертами характера, чуждыми обыкновенному смертному. Но вот счастливое обстоятельство позволяет современнику увидеть «большого человека мира сего» (так называл Ленина Горький). И облик революционера, государственного деятеля, человека великой мысли, великой воли становится особенно близким, родным и глубоко человечным. Только тогда постигается, что именно такой скромный, внимательный, простой в обращении человек мог найти в себе неисчерпаемую

силу для того, чтобы принять на свои плечи всю тяжесть борьбы за освобождение человечества от зла и тысячелетней неправды и огромную тяжесть ответственности перед историей и человечеством.

2. В МОСКВЕ

Я припоминаю знаменательный вечер у Горького—жаркий спор о литературе, перекрестный огонь вопросов и ответов, шутки, смех и затем глубокую тишину. В этой тишине протекала дружеская беседа о значении литературы для дела революции и прозвучали замечательные слова И. В. Сталина о писателях—инженерах человеческих душ.

Я вспоминаю, как мгновенно и как остро воспринимал И. В. Сталин малейшую фальшь в репликах и речах писателей, говоривших о литературе, и как благожелательно, с каким блеском радости в глазах он подбодрял товарищей, говоривших честно и правильно.

Я вижу его у дверей, ведущих в библиотеку, с трубкой в руке, с той самой трубкой, о которой не позабыл спросить И. В. Сталина немецкий писатель Эмиль Людвиг, когда увидел, что Сталин обходится без нее.

Сталин стоял, опираясь о притолоку, иногда делая шаг—полшага по направлению к столовой, чтобы бросить реплику, принять участие в беседе, которая длилась почти всю ночь.

За столом сидел Горький. По негласному правилу, в комнате курил только он один, остальные курильщики выходили в библиотеку: нужно было оберегать легкие больного Горького. Сталин тоже стоял на пороге библиотеки, он выходил сюда курить, так же как все остальные курильщики, но он не переставал следить за тем, как протекал литературный спор. И вдруг внезапной репликой ставил он втупик спорщика, сказавшего нелепость или допустившего, казалось бы, незначительную ошибку.

Вся большая жизнь человека отдана служению идее; идее борьбы за коммунизм отданы все мысли и чувства, вся неукротимая энергия, непреклонная воля—вот откуда этот страстный, органический протест, реакция на, казалось бы, незначительную теоретическую ошибку, на неясную, допускающую двойственное толкование мысль. И рядом с этой замечательно развитой способностью распознать и разоблачить неправду—огромная широта взглядов, дерзновенный полет мыслей, чувство любви к хорошим и честным людям, юмор, который помогает работать, мыслить и бороться.

Таким мы видели И. В. Сталина в незабываемый вечер у Горького.

Прошло немного времени, и я увидел Сталина в глубоком горе. Я видел его у гроба убитого злодеями трибуна революции, верного и любимого сына народа Сергея Мироновича Кирова. Это были горестные часы прощания народа с Сергеем Мироновичем.

В одну из траурных ночей оборвался шорох шагов, движение многих тысяч людей у гроба, и в Колонном зале наступила потрясающая скорбная тишина.

Пять минут прошло в этом скорбном безмолвии. Затем восемь неподвижных людей у гроба пришли в движение—последний почетный караул оставил свой пост.

Стремительным, но легким движением Сталин приблизился к гробу. Он поднялся на возвышение, наклонился над мертвым товарищем и другом и поцеловал его в лоб.

И красная гробовая крышка скрыла от нас Кирова.

В это тягостное мгновение медь труб обрушила с высоты победный гимн трудящихся—«Интернационал». Чувство беспомощности человека перед лицом смерти сменилось чувством вечной, непобедимой жизни. Как полководец, ощущающий близость победы, как знаменосец, несущий в бой славное боевое знамя, Сталин поднял на плечо гроб Кирова.

И еще раз я видел Сталина в день, когда Чрезвычайный VIII съезд советов слушал его доклад о проекте Конституции, когда среди возгласов радости, среди приветствий на всех языках нашей страны звучал спокойный и убедительный голос ученого, голос человека дела, великого государственного труда.

Скупой, убедительный жест, прямой взгляд, который охватывает каждого сидящего в огромном зале и кажется взглядом в упор, ясная, глубокая, по-ленински простая мысль и слова:

«Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты...

Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма».

В первый раз за все время доклада Сталин простирает вверх руки, призывая все трудящееся человечество к борьбе и победе. Эти последние слова доклада звучали так торжественно и убедительно потому, что им сопутствовали великие дела, дела эти на вечные времена утверждали в истории имя творца Конституции.

И радостно знать, что живешь в одно время с одним из самых больших людей мира, которым справедливо гордится мыслящее человечество.

Н. Бурденко

Академик

*

ОБ ОДНОМ РАЗГОВОРЕ

Бывают незабываемые встречи с великими людьми, бывают незабываемые разговоры при этих встречах, но бывают и телефонные разговоры, такие же волнующие и оставляющие на всю жизнь неугасимые в своем ярком горении впечатления. Об одном таком разговоре я хочу здесь сказать.

Я оперировал. Во время операции приходит молодой мой сотрудник, коммунист И. А. Мухин и возбужденно говорит:

— Николай Нилович, вас вызывает к телефону товарищ Сталин.

Я был в исключительном затруднении: говорить хочет товарищ Сталин, а на операционном столе лежит человек с раскрытым мозгом.

Сознание работало напряженно: ясно, что невозможно бросить операцию. Но, может быть, там ждет меня еще более срочное поручение, может быть, речь идет о немедленном спасении жизни...

Что делать?

Я попросил товарища Мухина объяснить положение и сказать, что прошу, если можно, дать мне несколько минут; если же нельзя, подойду немедленно.

Телефон находился в ближайшей комнате. Прибежал товарищ Мухин и сказал, что я могу располагать своим временем.

Я проделал операцию, распутался от проводов, обтер руки и подбежал к телефону.

Товарищ Сталин дал мне такое поручение, которое заполнило все мое существо: мне было поручено оказать хирургическую помощь руководителю одной из братских компартий, который был в то время в Москве.

Поручает лично товарищ Сталин—этого не забыть всю жизнь—оказывать помощь известному революционеру-коммунисту—этого тоже не забыть всю жизнь.

Было условлено сделать осмотр нуждающемуся в операции товарищу через три-четыре часа в Кремлевской больнице. У него было повреждение кисти и предплечья руки.

Что переживал я в этот день? Эти переживания и до сих пор во всех деталях ярко выплывают в моем сознании.

Доверие товарища Сталина, его личное ответственное поручение породило во мне решимость своими знаниями, опытом, напряжением всех сил оправдать это доверие во всей последующей жизни...

Да, это было событие, оставившее глубокий след в моей жизни: оно выковало во мне решение твердо итти по принятому мной с первых дней социалистической революции пути до вступления в партию включительно.

В дальнейшем я узнал от покойного В. Н. Розанова и от администрации Кремлевской больницы, что Иосиф Виссарионович внимательно следил за ходом лечения, интересовался диагнозами, в постановке которых приходилось мне принимать участие, и исходом операций, которые мне поручались...

Проходили года... Читаешь с напряженным вниманием в печати речи товарища Сталина, читаешь о делах товарища Сталина, восхищаешься его глубочайшей мудростью, анализом жизни нашей великой родины, анализом мировой жизни, изгибов мировой политики и поражаешься ясности истолкования и точности предсказаний, относящихся к хозяйственной и политической жизни мира.

Наконец, на мою долю выпало счастье слышать живое слово товарища Сталина, видеть его на трибуне. Я удостоился чести и счастья быть 25 ноября 1936 года на заседании Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов. На этом историческом съезде товарищ Сталин делал доклад о проекте Конституции Союза ССР. Незабываемый день—день, поставивший декларативно и документально вехи между двумя мирами: миром социалистического строя и миром капитализма. Первый полон воплощения всечеловеческих радостей, с призывом к дальнейшей радостной будущности коммунистического строя, второй—мир одряхления, без просвета в своей замкнутости, мир самоотравления противоречиями и несчастьем миллионов порабощенных капиталом трудящихся. И для них зажжен великий маяк!

Миру показано воплощение в жизнь свободного труда свободных народов великого Союза. Здесь победа великих идей и их плодов, которым творец Конституции подвел итоги—итоги

того, что уже сделано, что уже живет и ведет к дальнейшим просторам счастливой жизни.

Скромен в своем величии товарищ Сталин! Его слова остры, как резец! Слушая его, находишься весь во власти силы разума, остроты мысли и чеканки в словах.

Нужно было время, чтобы выйти из очарования, чтобы освоить всю глубину сказанного им.

Слушая товарища Сталина, убеждаешься, что его слова делают чудеса, бичуя и уничтожая анализом и сарказмом противников, волнуя сердца преданных и зарождая в них желание слиться умом, чувством и волей с творцом величайшего и беспримерного в истории документа.

Перед всем миром—спокойно, смело—развернул хартию свободы и права великий гражданин мира. С такими мыслями и чувствами выходил я из величественного зала исторического заседания.

В 1937 году я был удостоен чести внесения в списки кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, и избирательная комиссия Ростокинского округа советской столицы зарегистрировала меня. Какая ответственность налагалась этим! В словах товарища Сталина, в его речи на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа нашел я для себя руководящие указания.

Так, указания товарища Сталина воспитывали меня, и я понял реальный и конкретный смысл слов: «люди, воспитанные Сталиным», «люди сталинской эпохи».

Становятся понятными люди, завоевавшие полюс и чресполюсные пути; люди, проложившие путь Москва—Северный полюс—Америка; люди, переделывающие лицо земли, флору и фауну ее; люди, превратившие отсталую страну в передовую.

Понятны замечательные, победоносные кадры Красной Армии, кадры ученых всех дисциплин, проникшихся указаниями товарища Сталина о духе советской науки, служении науки народу, об ответе науки на запросы государственной жизни, о планировании науки,—внедрении в науку метода марксизма-ленинизма, о росте талантливых кадров из народных масс.

Товарищу Сталину шестьдесят лет. Он в расцвете своего творческого гения и непрестанного труда. Невольно приходишь к убеждению, что в процессе труда вырабатываются гормоны, возбуждающие энергию и творческий тонус,—это самоомоложение и залог дальнейшей творческой жизни великана-вождя.

Г. Байдуков

Герой Советского Союза

☆

Я ВИДЕЛ СТАЛИНА

В первый раз я близко видел этого великого человека в 1934 году, после первомайского парада на Красной площади. Я тогда служил летчиком в строевой части ВВС РККА.

Второго мая мы выстроили свои четырехмоторные корабли на Центральном аэродроме имени Фрунзе, а сами по подразделениям стояли в ожидании дорогих гостей. Товарищи Сталин, Ворошилов и Горький долго обходили ряды наземного парада. Впереди спокойной походкой, немного расставляя ноги в стороны, как моряк, шел товарищ Сталин. Он то поднимал вверх приветливо правую руку, то прятал ее за борт шинели и внимательно вглядывался в лица бойцов. Я впервые увидел его чуть улыбающиеся глаза.

☆

С тех пор прошло довольно много времени. Однажды, только что посадив машину на аэродром после испытательного полета, я сижу с механиком и разговариваю о величине компенсатора руля поворотов. Вдруг подъезжает автомобиль с директором завода. Директор приглашает в свой кабинет и сообщает, что едем на заседание в Кремль.

Когда мы вошли в зал, заседание было в полном разгаре. Товарищ Ворошилов говорил речь. На председательском месте сидел товарищ Молотов. Товарищ Сталин стоял у окна и набивал табаком свою любимую трубку. Он внимательно посмотрел на нас. Я сел за стол.

Сталин сказал:

— Ну, вот, пусть директор расскажет о своей машине,

Директор рассказал, как идет работа на нашем заводе, подробно познакомил присутствующих с особенностями машины, только что выпущенной заводом.

— Кто летал на этой машине?—спросил товарищ Сталин.

— Моисеев и Байдуков, товарищ Сталин. Они здесь присутствуют,—ответил директор.

— Ну, Байдуков, расскажите нам о машине. Чем она вам нравится? Что у нее плохого?—и Сталин внимательно посмотрел на меня, когда я подходил к модели нашего самолета.

Сталин подошел ближе. Он поглядывал то на меня, то на модель, как бы решая: действительно ли я толковый человек? Можно ли довериться мне как испытателю самолета?

Я старался рассказать о машине все так, как мне это представлялось с точки зрения летчика. Товарищ Сталин задавал такие сугубо специальные вопросы, касающиеся самолетостроения, что я частенько задумывался, чтобы опрометчивым ответом не ввести в заблуждение этого простого и величайшего человека нашей эпохи.

И здесь я заметил, что Сталин—это человек, который любит послушать, любит посоветоваться с людьми, имеющими непосредственно дело с машиной—самолетом, комбайном, отбойным молотком.

Второе, что меня поразило,—это то, что товарищ Сталин знает детально вопрос, интересующий его. Откуда человек, занятый делами государственной важности, знает детали авиастроения и летного дела? От многогранной культуры и от гениального, всеобъемлющего ума идет эта прозорливость.

И, наконец, третье, что я заметил при этой встрече с товарищем Сталиным,—это его заботу о человеке. Наше летное дело—профессия сложная и иногда опасная.

Сталин во время заседания допытывался от конструкторов и летчиков: а как этот самолет, не опасен ли при вынужденной посадке? Можно ли из него свободно выпрыгнуть с парашютом? Удобно ли экипажу работать? И если получал отрицательный ответ, начинал спокойно, но весьма внушительно доказывать, что самолет, опасный для жизни, не есть советский самолет, что его нужно выбросить или переделать так, чтобы люди, самый ценный капитал в мире, были окружены максимальными удобствами. В авиации нет мелочей. Из-за мелочей часто гибнут люди. Этого мы не можем допускать.

*

В дни нашего вынужденного отдыха на острове Удд (теперь остров Чкалов) каждый из нас, счастливых пилотов сталинской эпохи, много передумал и перечувствовал. В полете над

льдами Арктики, над суровыми горными хребтами Якутии, над бурным и туманным Охотским морем, над сопками Забайкалья и Уральскими горами—всегда и везде мы непрерывно ощущали ласковую руку родины, готовую в любую минуту опасности поддержать нас. Мы были бодры и уверены в себе. И эту бодрость вселил в наши сердца товарищ Сталин. Великий Сталин указал нам маршрут. Великий Сталин приветствовал экипаж в полете. И только поэтому мы могли победить, победить во славу нашей родины.

Это состояние радости и благодарности мы сохраним на всю жизнь. С этим мы летели в обратный путь, чувствуя, как каждый оборот винта приближает нас к родной Москве и заставляет все чаще и чаще биться наши сердца. Вот, наконец, и Москва. Замкнулся грандиозный географический четырехугольник Москва—Земля Франца-Иосифа—Петропавловск-на-Камчатке—Хабаровск—Москва.

Москва лежит во мгле жаркого лета. Справа от города видны огромные озера. Это новые озера канала Волга—Москва, созданного по воле товарища Сталина.

Делаем плавный круг над Москвой и Кремлем. Лица у всего экипажа сияют от удовольствия. Кремлю, где работает человек, давший нам путевку на полет, мы делаем приветственные знаки рукой из окон кабины.

Все сбрасывают с себя лишнее обмундирование. Шасси выпущены. Чкалов делает крутой поворот над аэродромом, с которого 21 день тому назад мы стартовали.

Наш краснокрылый гигант, овеянный ветрами воздушного океана и славы, плавно подпрыгивая, катится по знакомому полю и долго не хочет останавливаться.

Несколько автомобилей быстро едут к самолету. Из переднего показывается товарищ Сталин. Он спокойной походкой идет к самолету. За ним следуют товарищи Ворошилов и Орджоникидзе.

Я не верю своим глазам. Нас, троих обыкновенных летчиков, выполнивших лишь свой долг, встречает сам Сталин.

Машу рукой Чкалову и кричу ему:

— Спрыгивай!

Но Чкалов опережает меня. Быстро вскочив на крыло и в спешке не нащупав ногой стремянки, он скатывается по красной полированной обшивке на землю.

Чкалов радостно кричит и бросается навстречу Иосифу Виссарионовичу. Я вижу смеющееся лицо и прекрасные жизнерадостные глаза вождя.

Чкалов начинает рапортовать товарищу Сталину, но Иосиф Виссарионович широко расставляет руки, обнимает Чкалова, как родного, и целует его, по русскому обычаю, крепко и

запросто. Затем он подходит ко мне. Дрожащими от волнения руками я обнимаю этого прекрасного и простого человека— нашего вождя и товарища—и целую его. Крепко обнимают нас и Ворошилов и Орджоникидзе. Я так расстроган, что меня нужно за руку вести к автомобилю. Товарищ Сталин расспрашивал о пути, о последнем этапе, о самочувствии. Он ласково обнимал Чкалова. Чкалов пытался рассказать все подробно и обстоятельно.

Товарищ Сталин, смеясь, поднял руку:

— Вам надо отдохнуть. Ведь вы устали. Мы вас долго не будем мучить, вам нужен отдых, а сейчас пойдем к трибунам,— сказал он.

К месту посадки подбежали пионеры с цветами. Увидев товарища Сталина, они на минуту замешкались, а затем беспорядочной гурьбой кинулись к нему. Иосиф Виссарионович обнял детей, ласково потрепал их по волосам и пошел вместе с нами вперед к автомобилю. Дети передали товарищу Сталину букеты цветов.

— Это героям. Дайте цветы Чкалову, Байдукову и Белякову,—сказал Иосиф Виссарионович.

У трибуны нас встречают родные и тысячи людей, выстроившихся со знаменами и портретами. Митинг открыл товарищ Орджоникидзе. Затем слово получает товарищ Ворошилов, а после него Чкалов.

Товарищ Сталин стоит рядом, веселый и довольный. Он высоко поднимает над головой руки и ласково аплодирует ораторам. Окончился митинг. Мы сели в машины, разукрашенные цветами, и помчались в Москву, где сотни тысяч трудящихся встречали вождя и нашу тройку, пронесшую знамя славы советского народа от запада через Ледовитый океан на восток нашей великой страны.

Вечером в честь участников перелета был дан ужин. Товарищ Сталин долго беседовал с нами как со старыми друзьями. Мы искали слов, чтобы передать наши чувства, и не находили их.

Лучше всех это состояние определил Чкалов, который в своей речи на ужине сказал, что те чувства, которые испытывали мы и тысячи других людей в связи с перелетом, нельзя выразить никакими словами, кроме одного.

— В богатом, многообразном русском языке,—сказал Чкалов,—нет другого, более глубокого, более теплого слова, чтобы выразить наши чувства, чем слово *Сталин.*

☆

После прилета в Москву в течение долгого времени Чкалов не знал покоя, то выступая на многочисленных митингах москвичей, то рассказывая о полете своим бесконечным друзьям и знакомым.

С трудом мне и Белякову удалось вытащить Чкалова из Москвы на юг, чтобы отдохнуть всем вместе после перелета.

Природное здоровье волгаря позволяло Чкалову не считаться с мнением докторов, но товарищам он отказать не смог, и мы трое, с семьями, вскоре прибыли в Сочи.

В один из дней нашего пребывания в Сочи, часов в десять утра, когда все еще сидели за завтраком, раздался телефонный звонок. К аппарату вызвали Чкалова. Он вышел в коридор и спустя несколько минут позвал меня. Я увидел взволнованное лицо Валерия. Это было необычайно для него.

— Слушай, Егор, товарищ Сталин сегодня в шестнадцать часов приглашает нас с женами к себе,—сказал Валерий тихим, взволнованным голосом.

— Что ты с утра начинаешь фантазировать?—пошутил я и повернул было прочь.

Но выражение глаз моего друга и его слегка вздрагивающие пальцы, потянувшиеся к коробке за папиросой, заставили меня поверить, что, может быть, он и не шутил. Да и разве можно шутить такими вещами?

И мной овладело волнение. Сердце забилось частыми, радостными ударами.

— Да, да, Егор! Ровно в шестнадцать часов к товарищу Сталину,—сказал Чкалов.

Счастливые, мы побежали к своим женам поделиться важной новостью. Не описать их радости и изумления.

Буквально через пять минут с завтраком было покончено. Каждый по-своему переживал предстоящую встречу. Но в одном мы были единодушны: поскорее закончить свои личные приготовления! И вот—кто пошел к парикмахеру побриться, кто начал отглаживать платье, кто бегом бросился на берег купаться. То и дело поглядывали мы на часы, и каждый из нас втайне проклинал этот механизм, так медленно передвигавший стрелку... Хотелось скорей увидеть еще раз этого чудеснейшего человека, близкого друга по нашей работе. Но, как ни торопись, солнце диктует время. Наконец, стрелка подползла к 15.30.

Пора выезжать, а Чкалов никак не может напялить крахмальный воротничок. Он спешит, со всех сторон на него кричат, торопят... В конце концов я предложил ему надеть шелковую косоворотку. Валерий послушался. Через десять минут мы уже мчались на автомобиле вслед за Михаилом Ивановичем Калининым к товарищу Сталину.

Товарищи Сталин и Жданов встретили нас на улице у парадного входа. Сталин, радушно здороваясь, внимательно огля-

дывал каждого. Очевидно, он проверял, понабрались ли мы на курорте сил.

Исключительная простота и скромность товарища Сталина сразу привлекают к нему и вызывают необыкновенное чувство расположения. Товарищ Сталин знакомится с моей женой и женой Белякова. Расспрашивает, как отдохнули. Затем ведет к даче, по дороге рассказывая о каждом кустике и дереве, которых так много здесь. Видно, Сталин очень любит фруктовые деревья.

У одного лимонного куста он заботливо поправляет бамбуковую палочку, поддерживающую отяжелевшие от плодов ветви.

Срывает листья эвкалипта, растирает на руке и дает понюхать. Сильного запаха эвкалипта, оказывается, не терпит малярийный комар. Мне очень неловко, что я не знаю действия этого замечательного дерева. Иосиф Виссарионович рассказывает нам о том, как американцы и англичане избавлялись от комаров во время постройки Панамского канала и при освоении болотистой Австралии.

Так мы незаметно обошли весь сад. Затем, обратившись к гостям,—не пора ли кушать?—наш хозяин повел нас к себе и предложил осмотреть комнаты. Здесь было все исключительно просто, чисто.

По пути в столовую Сталин пооткрывал шторы и оконные рамы, спросил, готов ли стол. Зашел разговор об авиации.

Иосиф Виссарионович возмущенно стал говорить о том, что конструкторы и заводы еще мало работают над усовершенствованием электрообогревания, что часть вины за это ложится и на летчиков, которые не следят за своим здоровьем и не требуют от промышленности улучшения условий их работы. Сталин тонко подмечал наши авиационные недостатки, обнаруживая при этом явное недовольство тем, что еще не все летчики пользуются парашютом при аварийных положениях. Лучше построить тысячи новых самолетов, чем губить летчика! Человек в глазах Сталина—самое дорогое.

Затем зашел разговор о метеорологии. Товарищ Жданов был когда-то большим любителем этого дела. Он рассказал, что во время нашего перелета внимательно следил за изменениями метеорологической обстановки. Я обнаружил, что Жданов прекрасно разбирается в законах метеорологии, отлично знает названия стационарных циклов Европы и Севера.

Так, оживленно беседуя, мы всей группой подошли к веранде, на которой были видны расставленные кегли. Иосиф Виссарионович предложил сыграть. Сам первый взял шар и, ловко пустив его по доске, сбил короля и несколько солдат. После него стал играть Беляков. Он долго пускал шары, пока не приспособился докатывать их до места назначения.

Когда мы наигрались вдоволь, товарищ Сталин посоветовался с гостями—не пора ли приступить к обеду? Все выразили согласие. Он повел нас к столу. За обедом все держались непринужденно и весело: так приветлив был хозяин. Я все время чувствовал себя необыкновенно легко, как на большом веселом празднике.

После обеда наша тройка обратилась к товарищу Сталину с планами насчет полета через Северный полюс. Иосиф Виссарионович доказывал, что мы еще недостаточно изучили все материалы, что к этому делу нужно еще лучше подготовиться, что нужно как следует изучить метеорологические условия. Нужны еще метеостанции. С этим нельзя рисковать, нужно делать все без «авось», наверняка.

Сталин любит авиацию. Он с увлечением говорил о полетах Коккинаки, Юмашева и других летчиков.

Незаметно разговор перешел на прошлое. Иосиф Виссарионович рассказал нам, как, будучи в ссылке, он чуть не погиб в Енисее, когда провалился в полынью и вынырнул уже обледеневшим перед глазами собравшихся у проруби женщин. Женщины с испуга побросали коромысла, ведра и убежали в деревню. Долго пришлось уговаривать, чтобы пустили отогреться. Только исключительно крепкий организм спас его тогда от смерти.

Потом Иосиф Виссарионович рассказывал, как во время возвращения из ссылки один ямщик вез его за «аршин водки». Ямщик подрядился добросовестно везти только при условии, если на каждой остановке будет получать сверх всего этот самый «аршин водки».

«Аршин» составлялся в длину из стопок, в которых подавалось вино на дорожных постоялых дворах. Ямщик оставался доволен пунктуальным выполнением договора, после каждой станции он веселел и веселел. И, наконец, при прощанья сказал товарищу Сталину:

— Хороший ты мужик. Откудова ты такой, парень?

Во время этого рассказа Иосифа Виссарионовича я сидел рядом и видел, как поблескивали его глаза, как они загорались искренним смехом. Он умеет так рассказывать, что слушатели от души хохочут вместе с ним.

Перешли в просторную соседнюю комнату. Сталин показал карточки своих детей. Он с большой нежностью говорил о дочке Светлане. Она недавно уехала в Москву. У нее начались занятия в школе.

— Она у меня дисциплинированная: раз начались занятия— значит нужно учиться!

Иосиф Виссарионович бережно поставил карточку на место. Мы стали просить, чтобы он дал нам на память фотографии,

где он снят вместе с ребятами. Что делать с такими напористыми гостями? Он отложил для нас три карточки.

Сталин просит молодежь потанцовать. Сам идет выбирать пластинку, заводит патефон, ставит плясовую.

Когда танцоры исчерпали свой репертуар, Сталин, все еще не отходивший от патефона, выбрал пластинку с хоровой волжской песней. Поставив ее, он сам стал подпевать, и мы хором грянули протяжную русскую песню. Сталин, видимо, в Сибири выучился петь и очень ладно подтягивал запевавшему Жданову. Я также подтягивал. Так мы дружно пели бы еще и еще, если бы не пора было собираться Михаилу Ивановичу Калинину.

После проводов Калинина Чкалов лег отдохнуть на кушетку и крепко заснул. Иосиф Виссарионович достал одеяло, тщательно накрыл Валерия. Открыв настежь дверь веранды, Сталин вновь начал развлекать нас плясовыми, русскими и грузинскими песнями. Уже часов в одиннадцать Жданов потянул всех играть в биллиард.

Игра затянулась. Когда я посмотрел на часы, было около половины второго ночи. Не хотелось уезжать от этого исключительного человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой. Но ведь ему больше чем кому бы то ни было нужно отдыхать.

Распрощавшись с товарищами Сталиным и Ждановым, мы уехали к себе на дачу, на всю жизнь запечатлев в сердце замечательный облик простого, радушного хозяина, гениального вождя.

*

Прошла зима, и вновь наши сердца и мысли потянулись к бесконечным просторам воздушного океана, к вольным и далеким льдам Арктики, которые еще в прошлом году проплывали под крылом «NO-25».

Мы с Валерием часто беседовали по душам до поздней ночи, не возбуждая особых подозрений у своих жен и детей. Зимой еще несколько раз ездили на аэродром ЦАГИ, где стоял наш «NO-25». Летали на нем. Держали совет с инженерами и техниками по поводу мотора и самолета. Писали докладные М. М. Кагановичу и, наконец, решили открыть все свои планы товарищу Ворошилову, который тепло нас всегда выслушивал и поддерживал, неоднократно давал нам дружеские советы, помогал нам в решении нашей задачи.

Задача же в основном сводилась к тому, чтобы добиться от правительства разрешения на полет из Москвы в Соединенные Штаты Америки через Северный полюс на самолете «NO-25». С Валерием Чкаловым мы написали письмо товарищу Сталину и с вполне понятным волнением и напряжением ожидали сталинского ответа. В эти же дни воздушные корабли Водопьянова, Молокова, Алексеева и Мазурука заканчивали под руководством Шмидта величайшую по риску и важности экспедицию по высадке десанта на Северный полюс.

Условия складывались настолько благоприятно, что мы почти были уверены в положительном разрешении нашего дела. Невольно вспоминалось, как Иосиф Виссарионович говорил нам, когда мы были у него в гостях, что лететь в Америку через полюс еще рано. Нужно изучить Полярный бассейн, советовал товарищ Сталин, и только тогда предпринимать такой грандиозный полет. Теперь условие, выставленное товарищем Сталиным, выполнила экспедиция О. Ю. Шмидта, и мысленно мы больше уже не видели возражений к полету со стороны дальновидного Иосифа Виссарионовича.

Наконец, часы и дни томительного ожидания прошли. Это было 25 мая. В этот день, как и всегда, я летал. В одиннадцатом часу утра меня разыскали на аэродроме и сообщили о вызове к наркому обороны товарищу Ворошилову. Немедля я прибыл в наркомат, где застал Чкалова и Леваневского. Оттуда мы направились в Кремль.

В шестнадцать часов мы трое были приглашены в кабинет товарища Сталина.

Как только вошли, Иосиф Виссарионович встал из-за длинного стола, за которым сидели товарищи Молотов, Ворошилов и Л. М. Каганович, и, приветливо улыбаясь, пошел к нам навстречу.

Поздоровавшись с товарищами Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем, мы трое уселись у противоположного конца стола.

Пользуясь затишьем, я оглянулся по сторонам, разглядывая кабинет товарища Сталина. На письменном столе я заметил модель «NO-25», очевидно, преподнесенную товарищу Сталину после прошлогоднего перелета. Счастье и гордость охватили меня. Стало как-то теплее и радостнее от сознания, что мы в кругу больших, замечательных и чутких людей нашей страны.

Иосиф Виссарионович, поглядывая на нас, с улыбкой спросил:

— Что, опять земли нехватает? Опять собираетесь лететь?

— Да, товарищ Сталин,—сказал Чкалов,—время подходит, пришли просить разрешения правительства на перелет через Северный полюс.

Все сидящие за столом смотрели на нас и слегка улыбались.

— Куда же вы собираетесь лететь? Кто будет из вас докладывать?—вновь спросил товарищ Сталин.

— Здесь не одна группа, товарищ Сталин,—заметил Климент Ефремович и, весело подмигивая в нашу сторону,

добавил, что здесь Байдуков сидит на двух стульях—и Леваневский и Чкалов зовут его в свой экипаж.

— Ага, группировки,—шутливо бросил Иосиф Виссарионович и еще раз внимательно оглянул нас.—Ну, давайте, товарищ Чкалов.

Чкалов спокойно рассказал наши планы, просил разрешения на полет на «NO-25» в Америку через Северный полюс.

— Экипаж—наша прошлогодняя тройка,—говорил Чкалов,—готова к полету, и самолет также приготовлен.

Затем высказался товарищ Леваневский, прося разрешения на такой же полет, но на четырехмоторной машине. Следующее слово было за мной. Я объяснил, что мой окончательный выбор пал на «NO-25» и мое мнение высказано в заявлении правительству о перелете, которое мы подали вместе с Чкаловым. Я говорил о том, что наш самолет вполне может установить рекорд дальности—самый трудный авиационный рекорд, что время весьма благоприятствует полету и мы рассчитываем получить точные сведения о погоде от папанинской экспедиции.

Когда мы обстоятельно поговорили, товарищ Сталин обратился к своим соратникам:

— Ну, что же—разрешим полет?

Товарищи Молотов, Ворошилов и Каганович сразу же поддержали Сталина, и дело принципиально было предрешено. Товарищ Сталин, немного подумав, сказал, что все же следует вызвать непосредственного руководителя авиационной промышленности.

Товарищ Сталин начал нас расспрашивать о самолетах, которые мы испытывали. Мне в частности пришлось рассказать о машине конструктора Болховитинова, на которой мы недавно установили два международных рекорда. Затем разговор перешел на боевые свойства наших истребителей, и тут товарищи Сталин и Ворошилов проявили свою способность подмечать такие решающие мелочи, о которых иные люди иногда считают ненужным говорить. Забота о крепкой и надежной обороне и о хорошей авиации все время сквозила в вопросах и замечаниях товарища Сталина.

Незаметно перешли на тему о качестве американских самолетов. Товарищ Сталин подробно интересовался, что можно взять у американской авиации, чему у нее следует поучиться. Леваневский рассказал об американском самолетостроении, о закупленных им в Америке машинах.

В дружеской беседе мы сравнивали свои самолеты с американскими, находя в последних хорошую отделку и поучительные мелочи, которые нам следует перенять.

Разговор длился уже более полутора часов. Товарищ Сталин изредка подходил к кому-либо из наркомов, делал разные

пометки в бумагах, затем, переговорив с товарищем Молотовым, вновь стал прохаживаться по кабинету, беседуя об экспедиции на полюсе.

Тепло отзываясь о смелом коллективе полярников, товарищ Сталин заметил, что теперь, наверное, нам будет легче лететь через Северный полюс.

— Товарищ Сталин,—смеясь, сказал Чкалов,—для нас это «хуже»: ведь Папанин будет давать нам с полюса все плохую да плохую погоду... Так никогда и не улетишь...

— Вот тебе и на! Мы думали—будет лучше, а вот оказывается, что для летчиков лучше бы и не делать полета на полюс,—шутливо сказал товарищ Сталин, обращаясь к Молотову.

Товарищ Молотов, бросив свои дела, поглядел на Чкалова и, улыбнувшись, отложил папку. В это время вошел М. М. Каганович, которого Сталин сразу же спросил, как он смотрит на перелет через Северный полюс.

М. М. Каганович посмотрел на нас и, помня, как мы не раз его осаждали со своими планами, сразу же сказал свое положительное мнение.

— Ну, что же, значит нужно записать наше решение?—спросил товарищ Сталин, обращаясь ко всем.

Товарищ Молотов стал записывать решение правительства о перелете через Северный полюс в Америку. Первый пункт был уже сформулирован и записан, когда товарищ Сталин предложил еще новый пункт о том, чтобы обязать экипаж в случае неблагоприятной обстановки сделать посадку в любом пункте Канады, а в случае угрозы экипажу—произвести немедленную посадку.

Как взволновало нас это мудрое сталинское отношение к людям! Забота о человеке еще раз ярко выразилась в конкретном факте, который записан во втором пункте решения правительства.

Итак, решение составлено. Мы пробыли среди любимых руководителей партии и правительства три часа. Сколько драгоценного времени мы у них отняли! Мы спешим встать. Отблагодарив за внимание, прощаемся с товарищами Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем и, радостные от большого доверия своих вождей и своей родины, уезжаем на аэродром, где в ангаре стоит большая краснокрылая птица.

Сталинский маршрут будет продолжен еще на несколько тысяч километров через пространства Арктики и Америки, из сердца пролетарского государства—Москвы в США.

18 июня 1937 года наш краснокрылый гигант поднялся со Щелковского аэродрома и через шестьдесят три часа опустился в Портланде. Сталинский маршрут был повторен на расстоянии в восемь тысяч восемьсот шестьдесят восемь километров

из Москвы в Америку через Северный полюс. Новая дорога, связывающая два света через неприступную Арктику, была открыта советскими летчиками. Труднейший перелет, перед которым полет на остров Удд казался легким, закончился успешно.

Об условиях этого перелета мы поторопились послать телеграмму Громову, так как знали, что его экипаж должен вылететь вслед за нами. Нам хотелось, чтобы он учел все наши ошибки и трудности.

В Америке встречали нас очень тепло, приветливо. Как и везде, Чкалов быстро завоевал симпатию, и американцы рукоплескали при каждом появлении Валерия на трибуне, на улицах, в ресторане или кафе.

Валерий был рад, что народы США хорошо относятся к гражданам Советского Союза, и в то же время с каждым днем все чаще говорил:

— Ребята, скорей бы домой!

Дождавшись успешного завершения перелета Громова, мы отправились на пароходе «Нормандия» домой, в Москву.

☆

Вот и долгожданная красавица Москва. Вновь сотни тысяч москвичей встречают нас горячо и ласково, как и в 1936 году. Митинг у Белорусского вокзала окончен. Разукрашенные цветами машины мчат нас в Кремль.

Огромный Георгиевский зал Кремля заполнен знатными людьми. Возгласы «ура» в честь очередной победы советских летчиков, в честь Сталина.

В зал входит Иосиф Виссарионович Сталин. Он быстрым взглядом находит Чкалова среди этого ликующего зала. Мы встаем и вместе со всеми приветствуем любимого вождя.

Сталин не скрывает своей радости—его улыбающиеся глаза сияют счастьем отца, и он заключает в объятия Чкалова и крепко несколько раз целует обветренное лицо пилота. Затем эта человеческая ласка и благодарность Сталина передается мне и Белякову. Товарищ Сталин усаживает нас, взволнованных неописуемым счастьем и душевной встречей, за стол. Долго гремят и гудят залы от тысячных возгласов приветствий и аплодисментов. До поздней ночи товарищ Сталин угощал нас, расспрашивая о всех подробностях полета через полюс в Америку и о наших будущих планах. В этой дружеской беседе мы еще раз поняли, как Сталин любит человека, жизнь которого нельзя оценить никакими деньгами, никакими богатствами.

После этого я видел Сталина несколько раз.

Я видел его на кремлевских приемах и на деловых совещаниях и беседах с летчиками. Всегда и всюду этот величайший человек, в скромном френче, с седеющими усами, с искрой жизнерадостности улыбающихся глаз, вызывает во мне такой огромный наплыв чувства любви и благодарности, что часто хочется встать, подойти к нему и от всей души крепко поцеловать его, как родного отца.

Я часто думаю, что вот сейчас сидит товарищ Сталин в своем скромном кабинете и, несмотря на усталость, несмотря на позднюю ночь, с карандашом в руке, с дымящейся трубкой во рту, пишет о новой жизни человека, за которую он беспрестанно борется, не щадя своих сил и своей жизни. Он пишет о том, что придет время, когда народы всего мира соединятся под знаменем коммунизма и все заживут счастливо и радостно. И он зовет завоевывать это счастье и радость в борьбе с кровавыми псами—эксплоататорами и тунеядцами, с ворами человеческого труда и крови, сделавшими из человеческого мира лагерь нищеты, голода и бесправия. И близок час, когда за Сталиным пойдет все трудовое человечество и подымется на последний и решающий бой.

О. Леонова

Депутат Верховного Совета СССР

☆

ЧЕЛОВЕК, ОСУЩЕСТВИВШИЙ МЕЧТЫ ПОКОЛЕНИЙ

Первый раз я увидела товарища Сталина в дни Чрезвычайного VIII съезда советов.

Это один из самых значительных моментов моей жизни. Самый факт, что я делегирована, был достаточно волнующим—я ведь шла на съезд как *народная* учительница. В наше время этот термин вполне соответствует своему содержанию—с народом нас связывают крепчайшие узы.

Поэтому я не должна была итти туда с пустыми руками. К тому же и обстоятельства так сложились, что еще до съезда, перед Октябрьскими праздниками, я впервые решила в одном из маленьких классов—в четвертом—дать обязательство ликвидировать плохие и посредственные отметки. Мне казалось, что при добром желании учителя, учеников и родителей это вполне возможно.

Тогда это было внове. Стахановское движение казалось применимым только в условиях завода. На нас косились, предрекали неудачу.

И вот съезд должен был еще укрепить нас в нашем намерении.

Целый вечер писали мои ученики письмо с обязательством товарищу Сталину. Я только слегка правила его. Поздно вечером сели переписывать набело, причем переписывали все, с тем чтобы выбрать самый хороший экземпляр.

Вышло так, что на мое собственное письмо, в котором я хотела обдумать каждое слово, осталась только ночь.

Это была трудная ночь. Все слова казались ничтожными рядом с переполнявшими меня чувствами. Я хотела сказать,

как важно воспитать наших детей культурными, смелыми и свободными людьми, чтобы они работали так же, как их отцы и братья, разрушившие страшный мир прошлого.

И я не могла не вспомнить об этом прошлом. Я вспоминаю о нем часто, особенно когда вижу веселую и свободную детвору вокруг себя, а это счастье дается мне каждый день.

Больше всего в эту ночь думала я о своей матери.

Она умерла рано. Она была мягкой, кроткой и покорной женщиной, очень забитой и очень несчастной. Ее мечтой было сделаться учительницей. Более значительного дела в жизни она не могла себе представить.

Быть учительницей? О, нет! Это так необычно для тех дней и для тех людей. «Бредни»,—сказал дед. «Бредни»,—сказала бабушка. Иголка куда вернее обеспечит заработок.

И мать моя взялась на всю свою жизнь за иголку. В буквальном смысле слова за иголку, потому что машины у нее не было.

Муж ее, мой отец, живописец, писавший вывески, часто запивал—слишком трудна и безрадостна была жизнь. Иголка и кисть,—даже соединенные,—не могли накормить досыта шестерых ребятишек.

Но мечту свою она не оставила. Мечта была только отложена. Эта маленькая кроткая женщина с иголкой была из тех, что умеют переносить свои желания в следующее поколение.

Если ей не удалось стать учительницей—пусть ею станет старшая дочь. Я ведь была такой же, как она: не влекли меня шумные игры сверстниц. Я собирала малышей, нарезала им крохотные тетрадочки, чинила маленькие карандаши и часами играла с ними в школу, поражая их родителей немыслимой тишиной.

Даже куклы мои были всегда ученицами, которым я немедленно передавала все, чему научилась сама.

Педагогическое призвание может проявляться так же бурно, как артистическое или литературное. Это как жажда, которую необходимо утолить, чтобы не умереть.

Но утолить ее было не так просто.

Училась я в той же церковно-приходской школе, что и мать. Многие часы тратили мы на заучивание псалмов, на долгие стояния в церкви. В конце литургии многие из девочек не выдерживали и падали, как снопики.

Как хотелось мне когда-нибудь тоже упасть—ведь им потом позволяли посидеть! Но я была хотя худенькой, но выносливой, и упасть так никогда, никогда мне и не удалось.

Но все-таки это была школа, и я дорожила знаниями, которые она мне давала.

По окончании школы те же дедушка и бабушка опять сказали: «Бредни». Но на этот раз мать не уступила: достаточно было одной жизни, уступленной иголке.

Гимназия, правда, была не для меня, но были профессиональные рукодельные школы с общеобразовательной программой.

Когда мать, придя со мной в эту школу, узнала, что я единственная сдала приемные испытания на пятерки,—она от радости чуть не упала в обморок.

А между тем это было еще только началом пути. Слишком долго рассказывать, как я пробивалась. Только после Октябрьского переворота я стала, наконец, настоящей учительницей в родном городе—Москве. И к моменту Чрезвычайного VIII съезда советов шел уже 24-й год моей учительской работы.

Все это припомнилось мне в эту ночь. Но ведь так было, вероятно, у всех, об этом незачем было писать. За нами был целый мир таких, как я,—из поколения в поколение униженных, забитых, не умевших играть, не знавших отдыха и мечты свои откладывавших до следующего поколения.

И я коротко написала только о своих задачах и обязательстве. За этим письмом и воспоминаниями прошла почти вся ночь.

А наутро я смешалась с толпой таких же потрясенных и взволнованных людей в большом Кремлевском зале.

Я сидела близко к трибуне, каждое слово было мне слышно, и я отчетливо видела товарища Сталина.

Так вот он какой, этот человек, осуществивший мечты поколений! Какая необычайная простота движений, какой лучистый блеск глаз! Почему-то каждому казалось, что Сталин смотрит только на него.

Говорил он просто, без жестикуляции. Только иногда, желая оттенить какую-нибудь мысль, он слегка подымал руку, и этот его скупой жест оттенял мысль больше, нежели самая пылкая жестикуляция.

Таков же и стиль его речи. Содержанием его доклада были неслыханные изменения в жизни страны за истекшие 12 лет—с 1924 по 1936 год. Но замечательные итоги подводились простыми словами, факты были взяты из нашей действительности. В целом же открывалась перспектива необычайного величия.

Говорил он ровным, спокойным голосом—ему не к чему было его повышать, такая кругом царила тишина. Но этот негромкий голос, казалось, проникал в самое сердце и вызывал почти физическое ощущение восторга, порождал энергию, потребность в немедленном действии.

Самым ответственным моментом на съезде было наше участие в комиссии по редактированию Конституции. Это было

перед заключительным заседанием. Мы собрались уже не в большом зале, как обычно во время заседаний, а в маленьком. Нас было всего 220 человек, обстановка была менее официальной, но от этого не уменьшалось чувство нашей ответственности. У каждого из нас в руках был проект Конституции и карандаш. Рядом со мной сидели Буденный, Булганин, Корчагина-Александровская; были женщины из колхозов, женщины-работницы различных национальностей. Но я думаю, что не ошибусь, если скажу, что все мы чувствовали себя в этот момент учениками.

Товарищ Сталин председательствовал в этой комиссии. И здесь его простота проявилась еще ярче. Началось с того, что он отодвинул стол, который стоял слишком близко к трибуне.

— Так лучше будет проходить,—сказал он.

Этот простой, деловой жест и несколько теплых слов приветствия как-то сразу разбили ту скованность, которая вначале овладела всеми нами.

Я не попросила слова, но на этот раз не по природной застенчивости, а просто потому, что, как я ни вчитывалась в текст Конституции, я ничего не могла прибавить к этому монументальному произведению человеческой мысли, в котором с предельной четкостью было сформулировано все, о чем мечтало человечество.

Да и те, что выступали тогда, в частности товарищ Вышинский, говорили только о деталях.

Но каждого из выступавших товарищ Сталин выслушивал очень внимательно.

Запомнила один факт: когда редактировалась 122-я статья о женском равноправии, Корчагина-Александровская, со свойственной ей экспансивностью, воскликнула:

— Это самая замечательная из всех статей!

Товарищ Сталин улыбнулся и сказал:

— Очень рад, что она вам нравится.

Мы огорчались, что наше дело близится к концу.

В заключение Иосиф Виссарионович сказал:

— Ну, вот, и кончили, спасибо за совместную работу.

Но нам все не хотелось уходить, хотелось как-то продлить это ощущение совместной работы. А я все обдумывала, как передать товарищу Сталину детское письмо, и волновалась, как маленькая девочка.

Пошла за советом к Николаю Александровичу Булганину. Он мне сказал:

— Поднимитесь на трибуну и передайте.

Я растерялась: стала обдумывать, как подойду да с чего начну, и, конечно, упустила момент. Товарища Сталина окру-

жило несколько женщин, в том числе Корчагина-Александровская, которая не выдержала обуревавших ее чувств и обняла его. Он скоро ушел.

Остался Вячеслав Михайлович Молотов. Куда девалась моя застенчивость! Я подошла и стала ему рассказывать о настроении ребят, о нашем обязательстве. Он предложил мне передать наши письма.

Но мое не было достаточно отредактировано, я думала воспользоваться им только как конспектом в личном разговоре.

Словом, письма наши я передала только на другой день через Секретариат и с волнением следила за путешествием нашего пакета на трибуну и за выражением лица Иосифа Виссарионовича, когда он его читал. Лицо его было вдумчиво и серьезно.

И год этот, конечно, был у нас в школе лучшим годом в смысле выполнения всех обязательств, которые мы взяли на себя из любви к родине и к товарищу Сталину.

После того я много раз видела его, но чувство волнения и подъема при встречах никогда не ослабевает.

☆

Запомнился мне также еще один день—когда я сама поднялась на трибуну рядом с товарищем Сталиным, для того чтобы от имени трудящихся женщин сказать последнее прости Надежде Константиновне Крупской.

Глубокая скорбь и волнение, оттого что я должна говорить с мавзолея Ленина, почти лишили меня дара слова. Я поднялась на трибуну и поклонилась товарищу Сталину, стараясь подавить волнение. Тогда он, точно догадываясь о моем состоянии, тепло пожал мне руку.

Это пожатие сразу вернуло мне силы и спокойствие. Я не столько поняла, сколько вдруг почувствовала, что и Сталин, и те тысячи людей, что стоят на площади, и те миллионы, что живут во всей стране, что все мы—одно монолитное целое и что я тоже частица этого целого,—и как же может тебе при этом нехватить сил, если ты черпаешь их из этого неиссякаемого источника?

И в самом деле, силы мои удесятерились, точно большая волна подхватила меня и понесла. Слова пришли сами, и, действительно, в эту минуту я говорила не за себя, а от лица всего народа. Такое единение, конечно, возможно только в нашей стране.

Третий, особенно запомнившийся мне момент,—это когда мы слушали наказ товарища Сталина перед выборами в Верховный Совет.

Каждый из нас сознавал ответственность, которая лежит на нас, народных избранниках, перед народом, которому мы обязаны служить.

Высказывалось на эту тему так много людей, сказано было так много мудрых слов, но товарищ Сталин, как всегда, сказал самое главное.

Особенное впечатление произвели его слова о том, что надо быть честным и правдивым, как Ленин.

Он говорил о Ленине с такой подчеркнутой скромностью, так отодвигая и забывая себя, как может говорить только ученик об учителе.

И он был потрясающим—этот урок скромности, данный нам тем, кто для нас равнозначен Ленину и кто вместе с ним—самое дорогое для нас в мире.

М. Чиаурели

Режиссер

☆

ВСТРЕЧИ С ВОЖДЕМ НАРОДОВ

Благодаря чуткому отношению руководителя большевиков Закавказья товарища Берия к работникам искусств я имел счастье видеть товарища Сталина.

Должен признаться, что я был в большом волнении, готовясь к встрече с мудрым кормчим великой Страны советов. Я являюсь всего только одним из работников культурного фронта, сделавшим в сущности мало для нашей социалистической родины. И мысль о том, как я сумею держать ответ перед великим человеком нашей эры, меня совершенно разоружала.

Меня поразила необычайная простота товарища Сталина, лишенная какой бы то ни было тени «снисходительности»—той роскоши, которую обычно позволяют себе великие деятели.

В товарище Сталине сконденсирована любовь многомиллионного советского народа. И простота товарища Сталина, его доступность имеют глубокие корни, лежащие в характере советской власти.

☆

Товарищ Сталин выразил желание вновь посмотреть мою работу «Последний маскарад».

Удивлению моему не было предела, когда я увидел, с какой живостью, с каким чисто юношеским увлечением, с какой свежестью впечатлений воспринимал он картину, кадр за кадром.

Наряду с замечаниями по поводу политической значимости того или иного эпизода товарищ Сталин дал целый ряд замечаний чисто психологического и бытового порядка.

Когда меньшевик (в исполнении Геловани) спускается в подвал на собрание рабочих и предлагает сжечь листовки, товарищ Сталин замечает:

— Пугает! Так меньшевики запугивали рабочих.

Когда меньшевик начинает писать покаянное заявление начальнику жандармского управления, Сталин замечает:

— Сдрейфил!

Затем идет эпизод «Благотворительный праздник в саду». Товарищ Сталин замечает:

— Вы скупитесь на надписи, здесь следовало бы подчеркнуть, как проводили время оборонцы в тылу империалистической войны.

Эпизод, в котором Маруся умоляет офицера отпустить Мито, только что освобожденного из тюрьмы, воспринимается товарищем Сталиным с напряжением.

Товарищ Сталин замечает:

— Это хорошо, что офицер как бы не слышит ее. У них была инструкция не вступать в подобных случаях в разговоры.

Появление в кадре «Окопной правды» товарищ Сталин встречает с удовлетворением.

Когда на границе Грузии идет разоружение возвращающихся с фронта солдат, товарищ Сталин вновь подчеркивает необходимость пояснительной надписи и тут же дает ее примерную редакцию: «Меньшевики разоружали возвращающихся с фронта солдат».

Эпизоды меньшевистского парламента товарищ Сталин смотрит весело, с увлечением. Когда меньшевики пробуют протестовать: «это вам не колония», «это вам не Индия»—с уст Сталина срывается:

— Дураки!.. Сначала пригласили—пожалуйте, антре, антре, а теперь кинжалами хотят запугать... Дураки!..

Идет эпизод с представителями II Интернационала.

— Что стесняться!—замечает вождь.—Надо прямо называть: «Представитель II Интернационала Карл Каутский».

«Оравела» (песня пахаря), которую поет перед смертью Ника, вызывает в товарище Сталине воспоминания детской поры.

— Крестьяне давали мне кувшинчик простокваши,—рассказывает вождь,—и заставляли петь во все горло с утра до вечера.

Идут заключительные кадры. Движется победоносная Красная Армия.

— Хорошо, что идут руководители партии и что с ними рядом русский красноармеец!—замечает товарищ Сталин.

Он считает, что кино—отрасль советского искусства большой значимости, огромной действенной силы.

— Наше кино делает у нас и за границей большое дело,— замечает товарищ Сталин.

Когда я коснулся идеологической роли советской кинематографии и ее преимуществ перед буржуазной кинематографией, вождь сделал поправку, указав, что капиталистическое кино не хуже разрешает задачу внедрения буржуазной идеологии в массы.

— Там работают тонко,—говорит товарищ Сталин.—Создавая фильмы на «нейтральные» темы, буржуазное кино отвлекает массы от классовой борьбы, одурманивает их.

Фильм «Чапаев»—этот замечательный фильм, который Сталин смотрел много раз,—он считает крупнейшим достижением советского искусства.

Дав общую оценку «Последнего маскарада», товарищ Сталин обращает мое внимание на некоторый схематизм картины и скупость разъяснительных надписей.

Беседа коснулась грузинского классика Ильи Чавчавадзе, который был некоторое время в загоне.

— Ошибка,—заметил Сталин.—История, аналогичная с отношением ко Льву Толстому. А Ленин говорил, что до этого графа никто так правдиво не писал о мужике. Не потому ли мы проходим мимо Чавчавадзе, что он из князей? А кто из грузинских писателей дал такие страницы о феодальных взаимоотношениях помещиков и крестьян, как Чавчавадзе? Это была безусловно крупнейшая фигура среди грузинских писателей конца XIX и начала XX века.

Особо останавливается товарищ Сталин на поэме Чавчавадзе «Гандегили», отмечая законченность и яркость образов отшельника и молодой горянки, являющейся олицетворением жизненной силы, которая побеждает монаха-аскета.

Товарищ Сталин перешел к своим юношеским воспоминаниям и рассказал о горийском феодале М. Амилахвари:

— Этот владетельный князь был либералом, но с крестьян он аккуратно взимал треть урожая—«галу». Крестьяне, доведенные до отчаяния тяжестью поборов, перестали раскланиваться с князем. Это была единственная форма ненаказуемого протеста. М. Амилахвари был поставлен этим в неловкое положение. Князь созвал крестьян и заявил им, что вернет «галу» за год и выгодно продаст им пахотные земли. Мало веря в «благодеяния» князя, крестьяне ответили, что они обдумают предложение. Но, обдумав, они решили, что от Амилахвари трудно ждать чего-нибудь хорошего. Продолжая сдавать ему «галу», крестьяне попрежнему не узнавали при встречах князя.

Другой случай: Амилахвари выразил желание построить для крестьян школу. Подозревая в этом какой-то подвох

или новую форму кабалы, крестьяне ответили: «Мы не хотим ни принесенного, ни унесенного зена-кари» (восточным ветром).

Надо отметить, что восточный ветер был величайшим бедствием для крестьян. Ему сопутствовала засуха и разрушение. «Либерал» Амилахвари взрастил достойного наследника—Георгия Амилахвари, организовавшего «черную сотню» и наводившего ужас на всю Карталинию.

Товарищ Сталин вспомнил некоторые «подвиги» Георгия Амилахвари.

Как-то князь возвращался с пьяной компанией домой и заметил, что на склоне гор движутся какие-то черные тени. Решили «проверить», что это за тени. Компания открыла стрельбу и перестреляла... крестьянских буйволов. Жаловаться на Георгия Амилахвари никто не мог, так как он был вхож к великому князю, имевшему дворец в Боржоме.

Воспоминание о феодалах товарищ Сталин закончил рассказом о пушке Элибо:

— Элибо был кизикенцем и слыл изобретателем. Когда крестьяне были доведены до отчаяния поборами помещиков и царских чиновников, Элибо решил защитить сельчан. Он видел царские пушки—они были невелики по размерам. Элибо решил изготовить большую пушку и выстрелить из Грузии в... Петербург. Он нашел огромный дуб с дуплом, срубил его и зарядил дупло порохом и камнями.

Крестьяне собрались около пушки.

Элибо навел пушку и зажег фитиль. Раздался оглушительный взрыв. Несколько десятков крестьян было убито и покалечено. Уцелевшие напали на Элибо:

— Что ты наделал?

Элибо гордо ответил:

— Это что? Вы представляете, что теперь творится в Петербурге!

...Наследие феодализма давало себя чувствовать в Грузии даже при советской власти,—заключил товарищ Сталин.

Оно нашло выражение в националистическом уклоне, имевшем место в компартии Грузии. До какой степени пережитки феодальных отношений владели умами грузинских крестьян,— говорил товарищ Сталин,—видно из следующего факта. В 1924 году я беседовал с крестьянами в Грузии, и один старик спросил меня:

«Нельзя ли прислать московских ребят... Хотя бы временно, чтобы мы могли рассчитаться с дворянами... А то наше правительство их жалеет и мешает нам расправиться с ними».

☆

Товарищ Сталин рассказал о некоторых эпизодах из подпольного периода своей работы.

— Дело было в Батумской тюрьме,—вспоминал товарищ Сталин.—Привели арестованного Джохадзе. Это был молодой большевик, коренастый, крепкий парень. Джохадзе обратился ко мне с просьбой ознакомить его на грузинском языке с «Коммунистическим манифестом». Встречаться мы не могли. Но так как камеры наши были недалеко друг от друга, я читал «Манифест», находясь в своей камере, и в соседней камере могли слушать.

Как-то во время одной из моих «лекций» в коридоре послышались шаги. Я прервал лекцию. Вдруг слышу:

— Почему молчишь? Продолжай, товарищ.

Я подошел к решетке окна. Оказалось, что продолжать лекцию меня просил солдат-часовой.

Другой эпизод, рассказанный товарищем Сталиным, был следующий:

— Дело было в годы реакции. Я был еще юношей. Крестьянство, потерпевшее поражение в борьбе с самодержавием, испытавшее жесточайшие репрессии царских опричников и доведенное до отчаяния, бежало в леса с оружием в руках.

На жестокость карательных экспедиций крестьяне-партизаны отвечали жестокостью. Партия направила меня для переговоров с партизанами. Я встретился с ними и начал доказывать, что их поведение бросает тень на революцию. Но я был бессилен повлиять на них. Тут я впервые почувствовал силу того гнева и той классовой ненависти, которая является двигательной и побеждающей силой революции.

Воспоминания о кануне революции 1905 года товарищ Сталин закончил эпизодом своеобразной экспроприации «Капитала» Карла Маркса:

— В Тифлисе проживал небезызвестный букинист. Я учился в семинарии. У нас существовал марксистский кружок. Букинист одновременно издавал дешевые брошюры народнического толка, им лично написанные. Первый экземпляр первого тома Марксова «Капитала» был каким-то образом получен им. Учтя «спрос» на «Капитал», он решил давать книгу на прокат. Плата была высокая. Наш кружок буквально по гривеннику собрал деньги. Нам тяжело было выкроить из своего скромного бюджета такую сумму. Мы были возмущены «просветительной» политикой этого народника.

Получив заветный том, мы просрочили возврат на три дня. Букинист потребовал дополнительную плату за просрочку. Мы заплатили. Но каково было его возмущение и досада, когда он увидел, что «Капитал» экспроприирован!

Мы раскрыли перед ним второй рукописный том «Капитала». За короткий срок мы переписали «Капитал» до последней строчки.

Товарищ Сталин вспомнил о своем бегстве из Сибири, куда он был сослан царским правительством:

— Я находился в распоряжении исправника. Это был человек крутого нрава, заслуживший ненависть не только ссыльных, но и всего населения, особенно возчиков. Возчики, как известно, играли в суровых условиях Севера, с перегонами в сотни верст, немаловажную роль. Эти люди, видавшие виды, были буквально терроризированы исправником. Задумав бегство, я решил сыграть на этой ненависти.

«Я хочу подать жалобу на исправника. У меня есть связь в Зимней»,—сказал я одному из возчиков. А Зимняя была ближайшая железнодорожная станция, до которой надо было ехать несколько дней. Возчик охотно согласился везти меня туда, выговорив себе, помимо платы, по «аршину» водки на больших остановках и по «поларшина» на малых.

Подгоняемый ненавистью к самодуру-исправнику, возчик вез меня отлично. На остановках для него кабатчики выстраивали за мой счет «аршины» и «полуаршины» рюмок с водкой.

Морозы стояли сорокаградусные. Я был закутан в шубу. Возчик погонял лошадей, распахнув свою шубенку и открывая чуть ли не голый живот жестокому морозному ветру. Тело его, видно, было хорошо проспиртовано. Здоровый народ! Так мне удалось бежать,—заключил вождь.

Встречи с товарищем Сталиным будут для меня самыми счастливыми и незабываемыми воспоминаниями.

З. Троицкая

Начальник дороги

☆

НАМ АПЛОДИРОВАЛ СТАЛИН

Ноябрь 1935 года. На вечере в железнодорожном клубе ко мне подошел работник политотдела и сказал, что сейчас мы поедем с группой ударников и стахановцев в Кремль. Это было настолько неожиданно, что сразу я даже не поверила этому. Но когда я увидела, что собираются люди с Московского узла, которых я знала по хорошей работе,—машинисты, которые подхватили почин Петра Кривоноса и ездили на большой клапан, то я убедилась, что действительно предстоит что-то грандиозное.

Мы приехали в Кремль. В Кремле я была впервые. В громадном зале Большого Кремлевского дворца уже было много стахановцев. Мы старались занять места как можно ближе к трибуне.

Когда на трибуне появились товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович, то зал, в котором было несколько тысяч человек, превратился в бушующий океан. Аплодисменты, возгласы: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует советское правительство!», потрясали Кремлевский дворец. Наконец, буря аплодисментов стихла, и товарищ Орджоникидзе открыл первое Всесоюзное совещание стахановцев.

Внимательно слушала я речи выступавших. Взволнованно говорили ораторы. Каждый говорил о себе, о своей работе, о том, что только в нашей стране труд стал делом чести, славы, доблести и геройства. Совещание подходило к концу. В президиум стали поступать записки, в которых сотни людей просили товарища Сталина выступить.

Когда товарищ Сталин вышел на трибуну—с новой силой начались овации. Несколько раз товарищ Сталин пытался прекратить аплодисменты, но разве можно было остановить людей, которые приветствовали своего лучшего друга, руководителя непобедимой партии, который собирался обобщить все сказанное на совещании людьми, вышедшими из народа!

☆

1936 год. Чрезвычайный VIII съезд советов. Я была делегатом съезда. В Кремлевском дворце я была уже во второй раз.

Эти дни незабываемы. Доклад товарища Сталина о проекте Конституции был с радостью, с восторгом воспринят делегатами съезда. В проекте Конституции были отображены и записаны все чаяния и надежды лучшей, передовой части человечества, было записано все то, чего уже добились люди в нашей стране под руководством партии, под руководством товарища Сталина. В проекте Конституции, в словах товарища Сталина была отображена жизнь и рост каждого из делегатов съезда. Каждому казалось, что именно о его росте, о его жизни говорит товарищ Сталин. В своем выступлении товарищ Сталин обрисовал ярко, образно, коротко и ясно все те успехи, весь тот подъем, которого добились мы в нашей стране.

Я сидела очень близко к трибуне. Каждое движение, каждый жест товарища Сталина были мне хорошо видны. Товарищ Сталин казался таким близким, дорогим и родным, как будто много лет и много раз мы с ним встречались и говорили.

☆

На мою долю выпала большая честь приветствовать от армии железнодорожников в числе других стахановцев железнодорожного транспорта XVIII партийный съезд.

Когда мы в одной шеренге—Петр Кривонос, Огнев, Богданов и я—стояли около трибуны Большого Кремлевского дворца и когда товарищ Макаров закончил свое приветствие (бывший машинист, теперь заместитель начальника Центрального управления паровозного хозяйства), товарищ Сталин стал усиленно аплодировать. Аплодируя нам, железнодорожникам, он аплодировал нашим замечательным делам, нашим успехам, которых мы добились под руководством партии Ленина—Сталина, под руководством верного ученика товарища Сталина—Л. М. Кагановича.

Каждая встреча с товарищем Сталиным, каждое его выступление, каждое его слово воодушевляет на новые дела, на новые достижения на благо нашей прекрасной родины.

М. Водопьянов

Герой Советского Союза

☆

ОН ВСЕГДА С НАМИ

Осенью 1939 года я впервые попал в Гори, на родину великого вождя.

Меня привели к маленькому одноэтажному домику из серого камня. Здесь родился и жил Иосиф Виссарионович Сталин.

С невольным волнением я поднялся на веранду и открыл левую дверь. В большой комнате с глиняным полом и стенами, оштукатуренными глиной, стоял обеденный стол, покрытый самотканой скатертью.

Вдоль одной стены—тахта и скамья, покрытая ковром такой же расцветки, как и на тахте. А напротив—шкаф с хозяйственной посудой. На полу около шкафа—кувшины для воды.

Вторая дверь привела меня в небольшую спальню. На стене—несколько портретов Сталина, когда он был веселым ребенком, талантливым школьником, смелым юношей и зрелым мужчиной, шагающим в свое великое будущее.

Здесь же висят портреты его матери и его друзей детства.

Я долго всматриваюсь в каждый портрет... Потом закрываю глаза и стараюсь представить Сталина таким, каким он был, когда жил здесь.

Но это мне не удается. Я ясно вижу дышащее огромной внутренней силой, такое знакомое, горячо любимое лицо мудрого, гениального нашего отца.

...За окном—зеленый, солнечный Гори. Ветер доносит обрывки уличного шума и звонких песен. Мне не хочется уходить. Здесь, где даже стены бережно хранят воспоминания

о вожде народов, дарящем счастье многим миллионам, легко и хорошо думать о нем.

Уходя из домика в Гори, я унес с собой в душе что-то большое, хорошее, трудно передаваемое словами. И весь день был у меня какой-то особенный, праздничный, похожий на те дни, когда я возвращался из Кремля.

☆

Я имел счастье видеть Сталина и слушать его простые, мудрые слова не раз. И каждая встреча с вождем народов оставляла у меня неизгладимое впечатление.

Помню первую встречу с дорогим и любимым учителем и другом всех летчиков.

Это было в тот день, когда мы, участники челюскинской эпопеи, вернулись в Москву. Нас ждали цветы, музыка, восторженные толпы людей. Но самым дорогим, самым ценным было ласковое одобрение товарища Сталина.

Пришел я в себя, когда мы вместе с нашими вождями поднялись на трибуну у Кремлевской стены.

Вдруг около трибуны я увидел своих ребят: Веру и Вову. Я позвал их. Часовой посторонился, и дети поднялись ко мне. Я дал им маленькие флажки:

— Приветствуйте демонстрантов.

Но Вера и Вова только мельком взглянули на красиво убранные колонны. Их глазенки упорно бегали по трибуне, кого-то искали.

Сынишка первый не вытерпел.

— Папа, где Сталин?—тихонько шепнул он мне на ухо.

Я не успел ответить. Иосиф Виссарионович, улыбаясь, подошел к нам.

— Здравствуйте,—пожал он ручонки детям.—Тебя как зовут?

— Вера.

— А тебя?

— Вова.

— Вова... Так это ты побоялся сказать учительнице, что твой папа спас челюскинцев?

Вова поднял глаза на Сталина:

— Как я мог ей это сказать, когда я сам еще не знал, удалось ли папе спасти челюскинцев?

Сталин весело рассмеялся.

Меня до глубины души поразило, что человек, загруженный важнейшими государственными делами, запомнил этот маленький эпизод, рассказанный моей женой на страницах «Правды». Я почувствовал, какой большой любовью к детям согрето сердце этого величайшего человека нашей эпохи.

☆

Я видел вождя в Кремле на приеме Чкалова, Байдукова и Белякова. Тосты следовали один за другим.

Когда очередь дошла до меня, я сказал:

— Товарищи! Чкалов, Байдуков и Беляков совершили дерзкий прыжок в девять тысяч километров по новой и тяжелой трассе. Всему миру показали они, на что способна Советская страна. Мы, советские летчики, не страдаем профессиональной завистью. Успехам наших товарищей мы радуемся искренне и горячо. Но каждый из нас мечтает совершить во славу нашей родины еще более замечательный полет.

И, обратившись к товарищу Сталину, я добавил:

— Иосиф Виссарионович, разрешите мне полететь туда, куда еще никто не летал,—вернее, летал, но не садился,—на Северный полюс. Там, на крыше мира, я посажу советский самолет.

Сталин улыбнулся и ничего не ответил. Но я был уверен, что он разрешит полет на полюс.

И он разрешил, когда окончательно убедился, что все серьезно обдумано, предусмотрено и, главное, что жизнь участников этой экспедиции не будет подвергаться риску.

В дальнейшем товарищ Сталин повседневно руководил подготовкой к штурму высоких широт, проверяя все мелочи, вплоть до того, как будут кормить людей на полюсе. И когда воздушные корабли пробивались в сердце Арктики, он внимательно следил за нашими радиограммами.

Какой теплотой дышало его поздравление, посланное на полюс летчикам, механикам, радистам!

☆

Я встретился со Сталиным, когда наши воздушные корабли, возвращаясь с полюса, приземлились на Центральном московском аэродроме.

Его лицо выплыло неожиданно. И в тот же миг все окружающее перестало существовать для меня. Я не верил своим глазам.

Сталин шел нам навстречу... Такой высокой награды мы не ожидали.

Сталин обнял меня и поцеловал. Взволнованный и потрясенный, я сказал, указывая на наши четырехмоторные гиганты:

— На таких красавцах мы не только на полюс, а куда хотите слетаем, Иосиф Виссарионович.

Сталин ответил мне:

— Не забудьте: люди...

Разве забудешь? Мы, летчики, как заповедь, помним слова вождя, сказанные Валерию Павловичу Чкалову, когда он был еще мало известным летчиком:

— Ваша жизнь нам дороже любой машины...

Товарищ Сталин бережет жизнь летчиков, следит за их полетами, радуется их достижениям.

И как тяжело переживал он, когда самолет Леваневского, летевший из Москвы в Америку, пропал без вести в районе полюса неприступности!

В этот же день Шмидта, Шевелева, Молокова, Спирина и меня вызвали в Кремль на срочное совещание. На этом совещании присутствовали товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов и Л. Каганович.

Шмидт, стоя у карты, рассказал о своем проекте поисков экипажа Леваневского.

Сталин несколько раз перебивал его, внимательно уточняя отдельные детали.

Когда Шмидт кончил, Сталин спросил у него:

— Кто из летчиков полетит?

Но Шмидт не успел ответить: Молоков, Шевелев, Спирин и я сказали в один голос:

— Мы готовы выполнить любое ваше задание.

Сталин ответил нам благодарным взглядом.

☆

...Полярной ночью на мысе Желания я получил радиограмму из родных мест. Земляки сообщали, что выдвинули мою кандидатуру в Верховный Совет Союза.

Я поблагодарил их за высокую честь и обещал оправдать доверие.

В торжественный день открытия первой сессии я слышал, как избранники народа—депутаты социалистического парламента прерывающимися от радостного волнения голосами говорили о торжестве Сталинской Конституции. С какой любовью и преданностью смотрели все на первого среди равных, на первого депутата—Иосифа Виссарионовича Сталина!

☆

Наступил исторический день открытия XVIII съезда большевистской партии. С огромным волнением я переступил порог Кремлевского дворца.

Зал был уже полон, хотя до начала оставалось еще много времени.

Рядом со мной сидел незнакомый мне комбриг.

— Знаете,—сказал он мне,—ведь я еще ни разу в жизни не видел товарища Сталина... Даже издали. А сегодня...—голос его слегка дрогнул,—жду, не дождусь этой минуты.

Позже я увидел сияющее счастьем лицо комбрига. Вместе с другими делегатами и гостями съезда он стоя приветствовал любимого вождя и его соратников.

Трудно передать словами энтузиазм, охвативший всех присутствовавших. Более двух тысяч человек кричали на всех языках народов СССР: «Ура товарищу Сталину!»

Дружное «ура» заглушило звонок председателя. Разве можно остановить радость, когда она бурлит, когда она перехлестывает за стены зала?!

После вступительной речи товарища Молотова на трибуну взошел Сталин. Снова бесконечные бурные аплодисменты.

Зато когда Иосиф Виссарионович заговорил, наступила такая тишина, что каждый слышал биение своего сердца.

Товарищ Сталин говорил о замечательном пути, пройденном нами в период от XVII до XVIII съезда, о перспективах новых величественных преобразований.

Я смотрел на Сталина, видел его ласковую усмешку, слушал его голос и думал: «Как хорошо, что нашу страну юности и дерзких замыслов ведет вперед этот простой и гениальный человек с несокрушимой волей и большим сердцем!»

☆

Сталин всегда с нами, советскими людьми, даже тогда, когда мы находимся за тысячи километров. Это очень ценно для людей странствующих профессий: летчиков, моряков, полярников.

В минуты опасности мы физически ощущаем на своем плече одобряющую руку вождя.

Так не раз было и со мной...

Помню, мы возвращались на материк после полета за полюс на поиски экипажа Леваневского. Полярная ночь догоняла наш самолет. Погода нам не благоприятствовала. Постепенно облачность становилась такой плотной, что мы еле-еле видели обрывистые берега.

Мы летим над морем. Но скоро море и туман—все сливается в общий фон. Лететь очень трудно. Кроме того, волнует мысль о предстоящей посадке. Наша машина не в порядке: лопнула покрышка правого колеса. Пришлось подвязать колесо веревкой. Положение незавидное.

Усталость давала о себе знать. Появилась апатия... Скорее бы конец.

Какой-то внутренний толчок заставляет крепче, до боли в ногтях, держать штурвал самолета. Выплывает лицо Сталина... Я слышу его голос, мягкий, чуть-чуть глуховатый:

«Нет ничего дороже человеческой жизни».

Со мной четыре товарища... Я беру себя в руки. Растет уверенность в благополучном исходе.

Еще через час-полтора наш самолет на одном колесе сел на мысе Меньшикова. Люди были целы и невредимы. Машина тоже.

Через несколько дней, в годовщину Великого Октября, здесь же, на мысе Меньшикова, я снова беседовал с вождем. Это неважно, что я лежал в спальном мешке на безлюдном берегу—мысленно я был там, на Красной площади.

«Люблю я летчиков»,—говорил как-то товарищ Сталин, любуясь, как самолеты ровным строем плывут высоко над трибуной.

«Мы, летчики, отвечаем тебе пламенной, беззаветной преданностью. По твоему зову мы пойдем когда угодно и куда угодно».

Родина и Сталин. Для нас эти два слова неразрывно связаны между собой.

И ради родины, ради Сталина мы, советские люди, мечтаем о новых подвигах, новых завоеваниях.

Бюль-Бюль

Народный артист СССР

☆

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Пусть миллионы людей будущего коммунистического общества узнают, как гений человечества, великий и родной Сталин ценит и дружит с людьми науки и искусства.

Это было в 1935 году, в одном из кабинетов Кремля, когда товарищ Сталин вместе со своими верными соратниками принимал азербайджанскую делегацию в связи с 15-летием советизации Азербайджана.

Трудно описать мое состояние, когда я увидел вошедшего товарища Сталина вместе с членами Политбюро. Это чувство неописуемо. Смена радости волнением. Я был счастлив, что имел возможность лицом к лицу видеть и слышать гения человечества.

Уже одно то, что я имел возможность присутствовать в зале, где находился товарищ Сталин, сидеть рядом с ним,— эта возможность меня бесконечно волновала. Когда все уселись, у меня просто дух замер от этого великого, переполняющего меня чувства. Когда же преподнесли товарищу Сталину альбом от Азербайджана и товарищ Сталин по-дружески, просто, стал рассматривать этот альбом и прислушиваться к речам выступающих, я сразу почувствовал себя свободно, непринужденно. Я чувствовал себя легко, и вместе с тем я был горд.

Я все время был прикован взглядом к товарищу Сталину. Каждое его движение, каждый поворот в сторону товарищей Молотова, Орджоникидзе, Ворошилова, каждое выражение его лица, его исключительное спокойствие заставляли мою мысль

работать в одном направлении: как эти люди работают, как они мгновенно схватывают смысл сказанного, заранее знают все то, чему докладчики посвятили немало времени.

Когда начали раздавать подарки награжденным и приветствовать их пожатием руки, я наблюдал, как товарищ Сталин искренно, просто, с отцовской заботой пожимал руки представителям нефтяников, хлопковиков и интеллигенции. Я не упускал ни одного момента, ни одного штриха от самых, казалось бы, обыденных вещей, ибо каждое движение товарища Сталина для меня имело особый смысл, особое значение.

Наконец, дошла очередь до меня. Неожиданно я услышал свою фамилию. Слово «Бюль-Бюль» вызвало движение среди соратников товарища Сталина. Его самого в этот момент в зале не было. Были моменты, когда он отсутствовал в президиуме, будучи в другом конце зала. Я начал здороваться поочередно с товарищами Молотовым, Калининым, Ворошиловым, Микояном.

Когда я подошел к товарищу Орджоникидзе, он как будто прочел мои мысли, понял, что я ищу товарища Сталина. Он обратился к товарищу Сталину и громко сказал:

— Сталин, что ты, не признаешь артистов?

Товарищ Сталин подошел к нам с улыбающимся, ласковым взглядом и протянул мне руку. Я отложил полученный мною подарок и всем своим существом потянулся к нему. Он долго не отпускал моей руки и сказал:

— Да здравствуют азербайджанские артисты!

Я был точно опьянен. У меня совершенно отнялся язык. И я, который всегда смело выступал как артист перед тысячной аудиторией, от волнения смог только произнести:

— Да здравствует наш Сталин!

☆

Вторая моя встреча с товарищем Сталиным была в 1937 году, во время азербайджанской декады искусства.

Первый спектакль «Кер-оглы»...

На спектакле присутствовали товарищ Сталин и его ближайшие соратники. В этот момент во мне боролись два чувства: чувство артиста, художника, который в себе воплощал образ героя, второе—великое чувство, не от меня зависящее, волнующее сознание, что недалеко от меня сидит и слушает меня великий Сталин. Я был вдохновлен обоими чувствами. Не знаю, что превалировало во мне: образ героя или сознание, что рядом со мной находится товарищ Сталин. И только после каждого акта, когда нам аплодировали, у меня была возможность встретиться взглядами с товарищем Сталиным.

На протяжении всей декады я часто встречал этот отцовский взгляд.

После декады весь наш коллектив был приглашен в Кремль. Я опишу отдельные моменты этой встречи, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Когда товарищ Сталин и его соратники вошли в Георгиевский зал при всеобщей радости и бурных аплодисментах, я очутился рядом с товарищем Ворошиловым. Он обнял меня за талию и сказал:

— Смотри, какой изящный, а на сцене—совсем гигант!

В этот момент я оказался недалеко от товарища Сталина. Я ему протянул руки, как это было и в первую встречу мою с ним в 1935 г., но теперь он для меня стал еще более родным и близким. В этот момент я был спокойнее, чем в первый раз. Я был горд, что ласковый взгляд товарища Сталина как бы одобрял успех азербайджанского искусства.

За столом я сидел недалеко от товарища Сталина. Направо сидел товарищ Жданов, налево, через четыре человека—товарищ Сталин.

Меня очень занимала мысль: как я буду чувствовать себя за одним столом с гением человечества? Оказалось, очень просто, тепло, непринужденно и весело. И семь часов, проведенных вместе, пролетели незаметно.

Меня занимала мысль: на протяжении всей декады товарищ Сталин выслушал большое количество спектаклей и заключительный концерт нашей декады. Будет ли товарищ Сталин слушать нас здесь, в Кремле? Не будет ли утомительным для него этот концерт? Но товарищ Сталин проявил огромный интерес и большое внимание ко всем выступающим: к ансамблю народных инструментов, ансамблю песни и пляски и т. д. До ухода со сцены последнего исполнителя (а их было около 200) товарищ Сталин непрестанно аплодировал.

Наконец, подошла и моя очередь. Вдохновленный общим успехом нашей декады, я быстро вышел на сцену. По программе я должен был исполнить народные песни под аккомпанемент азербайджанского трио народных инструментов. Я знал, что товарищ Сталин очень любит народные песни. Первая спетая мною песня прошла с большим успехом. Тут же я попросил бубны (габал)—инструмент, на котором я виртуозно играл, когда играл и пел на свадьбах, делая всевозможнейшие манипуляции с этим инструментом, бросая его ввысь, на расстояние двух метров—соответственно ритму и паузам, присущим данной песне.

Я был до того переполнен творческим энтузиазмом, что абсолютно забыл о том, что меня отделяет двадцать лет от того времени, когда я играл на бубнах на свадьбах. Приступил к исполнению песни. Я бросал бубны вверх (а Георгиевский зал, как известно, очень высок, помещение огромное), проделывал с ними разные манипуляции. Я чувствовал, что все это я делаю лучше, чем двадцать лет тому назад. По окончании исполнения товарищ Сталин и все его окружающие встали и аплодировали мне. Я видел, как товарищ Сталин делился своим впечатлением с товарищем Ворошиловым. То, что товарищ Сталин стоя аплодировал мне, меня так потрясло, что я не чувствовал возможности уйти со сцены: ноги не повиновались. Вместо того чтобы сесть на свое место, я ушел в другую комнату, чтобы успокоиться и затем незаметно пробраться обратно на свое место. Однако товарищ Сталин заметил меня, остановил, взял за руку и сказал:

— Ты—дар; береги себя.

На прощание я протянул ему обе руки, и он сердечно, тепло, искренно их пожал.

Как и в 1935 году, так и теперь, после этой встречи с товарищем Сталиным, я несколько ночей совсем не спал. Оставаясь один со своими мыслями, я думал: «Не сон ли это? Такой великий гений, как товарищ Сталин, так дружески, так сердечно относится к сыну простого рабочего».

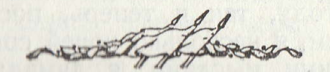
Спустя год, т. е. в 1938 году, я опять встретил родной, близкий мне взгляд товарища Сталина. Это было на сорокалетнем юбилее МХАТ. Я сидел в президиуме. Шел доклад. В это время товарищ Ворошилов заметил меня. Мы раскланялись. Затем я заметил, как товарищ Ворошилов показывает на меня Сталину, и товарищ Сталин ласково, как и раньше, с улыбкой посмотрел на меня. Мы раскланялись.

Затем начался концерт. В числе выступающих был и я. Мое чувство будет понятно только тем товарищам, которым приходилось выступать в присутствии товарища Сталина. Как и во время нашей декады, нас слушали кроме членов Политбюро лучшие представители искусства Советского Союза. Выступления в таких случаях, безусловно, волнуют исполнителя. В такой момент меня охватывает не только волнение, но и художественный экстаз. Одно сознание, что я пою в присутствии товарища Сталина, меня окрыляет и удваивает мою энергию. И в этот вечер, как и раньше, по окончании исполнения пения мне аплодировал товарищ Сталин и его соратники.

Проходит еще год с лишним. 31 августа 1939 года в Большом Академическом театре шел показ творческой самодеятельности союзных республик—Украины, Грузии, Казахстана и т. д. Спектакль был посвящен Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Я сидел в восьмом ряду, рядом с руководителем азербайджанских большевиков—товарищем Багировым, который и

привел меня в театр. Позади меня сидела Чимназ Асланова—заместитель председателя Верховного Совета СССР. Налево, в правительственной ложе, сидели члены Политбюро. Товарища Сталина не было видно: занавес отделял нас друг от друга. Вдруг встречаемся взглядами с товарищем Ворошиловым. Раскланиваемся. В это время товарищ Асланова толкает меня, указывая налево, где сидел товарищ Сталин. Он рукой отодвигал занавес и смотрел в нашу сторону. Как и раньше, наши взгляды встретились. Он меня заметил, и мы раскланялись.

Это отеческое внимание товарища Сталина является залогом моего творческого подъема. Его похвала является самым ценным в моей жизни, и я считаю себя самым счастливым среди счастливцев нашей необъятной родины.

И. Коробов

Депутат Верховного Совета УССР

☆

ТРИ ВСТРЕЧИ

Это было в конце декабря 1934 года. В числе других и я получил приглашение выехать в Москву, в Наркомат тяжелой промышленности. Утром 23 декабря мы прибыли в столицу страны социализма.

Как всегда, говорлива Москва. Улицы чисто убраны. Бурно протекает жизнь города.

Вечером мы попали в наркомат. Секретарь товарища Серго встретил нас приветливой улыбкой.

— Сейчас будут машины, и вы поедете в Кремль,—сообщил он.

Длинными показались минуты. Но вот мы, наконец, в Кремле. Здесь все кажется интересным. Я с удивлением оглядывался по сторонам, любовался изяществом архитектуры здания—всем окружающим.

Собралось много знатных металлургов страны, начали разговаривать о производственных вопросах, о работе заводов металлургической промышленности. Рядом со мной сидел мой старший сын Павел.

В начале седьмого в зал вошли товарищи Сталин, Орджоникидзе, Молотов и другие руководители партии и правительства. Нельзя описать ту радость и ликование, которые охватили присутствующих. Зал долго аплодировал. Раздались крики «ура» в честь коммунистической партии, в честь великого Сталина.

Наконец, совещание металлургов началось. Первое слово было предоставлено товарищу Бардину. Он говорил о развитии металлургии в Советском Союзе и в частности о Кузнецком заводе, рассказал, как перед началом строительства

Кузнецкого завода никто не верил в осуществление намеченного плана.

— С нами за одним столом сидели, разрабатывали чертежи, и то не верили в построение завода за такой короткий срок,—прервал Бардина товарищ Сталин.

Но вот на трибуне появляется товарищ Сталин. Надо было присутствовать в зале, чтобы ощутить ту радость и счастье, которые мы переживали, когда слышали слова гения человечества.

Товарищ Сталин говорил долго. Его слова глубоко воспринимались каждым. А говорил он о развитии металлургии, о том, что раньше мы получали машины из-за границы и на них учились работать. Эта линия была разработана коммунистической партией правильно. Мы одновременно учились и строили промышленность, а не наоборот, как предлагали некоторые вредители, утверждавшие, что сначала нужно научиться работать, а потом покупать машины. Товарищ Сталин особенно подчеркивал значение заботы о кадрах, которые надо выращивать, как садовник выращивает деревья.

После речи товарища Сталина каждый хотел выступить, поделиться с родным отцом и рассказать обо всем наболевшем.

Когда уже начали расходиться, Серго подозвал меня к себе, подвел к вождю народов и сказал:

— Товарищ Сталин, вот Коробов. Он сам доменщик и воспитал трех сыновей-доменщиков.

Товарищ Сталин пожал мне руку и говорит:

— Молодец, товарищ Коробов, что воспитал таких сынов.

В это время подошел Павел. Товарищ Серго представил и его товарищу Сталину, говоря, что это мой сын, которого приняли в ряды ВКП(б) через ЦК.

Пребывание в Кремле оставило во мне неизгладимое впечатление.

29 октября 1937 года я вторично встретился с товарищем Сталиным. Дело было так. 9 октября Лазарь Моисеевич Каганович посетил Макеевский завод имени Кирова. В доменном цехе я встретился с ним.

— Как ваше здоровье?—спросил товарищ Каганович.

— Ничего, спасибо,—ответил я и в свою очередь осведомился о здоровье Лазаря Моисеевича.

— А скажите, товарищ Коробов, сколько вам лет, что вы вырастили таких сынов?—заинтересовался Лазарь Каганович.

Я ответил. Лазарь Моисеевич сразу же начал расспрашивать о работе цеха, завода, интересовался, как живут рабочие, сколько зарабатывают.

19 октября я выехал в Москву на совещание металлургов в Кремле. В девятнадцать часов 29 октября я проехал Боровицкие ворота, въехал в Кремль. Совещание проходило в Грановитой палате. На этом совещании присутствовали мои сыновья—Павел и Николай.

Сначала говорил Лазарь Моисеевич, открывший совещание. Но вот он предоставил слово великому Сталину. В зале поднялась прямо-таки буря. Долго не смолкающие аплодисменты то затихали, то переходили в овацию. А на трибуне стоял простой и величественный Сталин. Он несколько раз поднимал руку, но этот жест вызывал еще большую овацию. Наконец, в зале воцарилась тишина, и Сталин начал говорить.

Иосиф Виссарионович говорил просто, понятно, стараясь, чтобы каждое слово дошло до слушателя. Когда он кончил говорить, Лазарь Моисеевич подозвал меня и хотел было познакомить с товарищем Сталиным.

— Мы уже давно знакомы,—сказал товарищ Сталин и тут же начал расспрашивать о моем здоровье. В конце разговора он также заинтересовался:

— Сколько вам лет, товарищ Коробов?

— Пятьдесят шесть,—ответил я.

— Я старше вас,—улыбнулся товарищ Сталин, а потом сказал:—Позовите сыновей.

Когда Павел и Николай подошли и один встал по правую, другой по левую руку, товарищ Сталин поднял бокал и провозгласил тост:

— ...За здоровье новых и старых бойцов доменного дела в металлургии, и прежде всего, за здоровье доменщика тов. Коробова, за Коробова-отца, за сына его, за всю семью доменщиков Коробовых, за то, чтобы семья Коробовых не отстала от новых методов работы.

Нас охватило невиданное волнение и радость. Волнуясь, под бурные аплодисменты зала, я пожал товарищу Сталину руку и заявил:

— Нет, товарищ Сталин, мы не отстанем от новых методов работы. Мы будем честно трудиться на благо родины, бороться за дело коммунистической партии. Я уже старик, но положу все свои силы, чтобы выполнить ваше пожелание и быть впереди других металлургов.

Мне и сыновьям казалось, что не только нас охватила радость, а всех присутствовавших в зале. Да это так и было. Все, кто видел и слышал великого человека—товарища Сталина, испытывают большую радость и счастье.

Домой мы возвращались, как никогда, счастливые. Еще бы! Вождь мирового пролетариата произнес тост за нашу семью. Шли мы и разговаривали:

— Вот смотрите, какое у нас правительство,—сказал Павел,—подлинно народное, рабочее. Приняло металлургов и

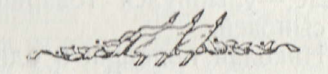
угольщиков в Кремле, сам Сталин беседует с рабочими, расспрашивает, как дела.

— Да,—задумчиво произнес Николай,—запомните, что нынешний день будет праздником для нашей семьи Коробовых.

Третий раз я виделся с товарищем Сталиным на первой сессии Верховного Совета СССР. От имени коллектива кировцев я ездил приветствовать открытие сессии. Приветствовать сессию приехали со всех концов нашей необъятной родины представители всех национальностей. Во время приветствия я держал знамя, а когда стал уходить, меня попросили в президиум. Товарищ Сталин поднялся навстречу, подошел и крепко пожал руку.

Зал бурно аплодировал. Я горячо поблагодарил товарища Сталина за Конституцию, передал привет от трудящихся Донбасса.

— Спасибо, товарищ Коробов, — произнес Иосиф Виссарионович.

И. Соколов-Микитов

Писатель

☆

ЧУТКОСТЬ

Несколько лет назад у берегов далекой и холодной арктической земли потерпел аварию советский ледокол «Малыгин», название которого теперь известно многим миллионам людей нашей страны. На ледоколе находились семьи рабочих и служащих советских рудников на Шпицбергене. Катастрофа произошла в темноте полярной ночи (на Шпицбергене в те времена еще не было маяков), в зимнее, глухое время, когда в полярных странах прекращается обычная навигация.

Первая спасательная экспедиция, спешно отправившаяся из Архангельска к месту катастрофы, не смогла справиться с задачей: у водолазов нехватило спасательных средств, мощного оборудования. Лежавшему на подводных камнях, окруженному льдами кораблю грозила неизбежная гибель.

Судьбою корабля заинтересовался товарищ Сталин. По его инициативе Эпрону было поручено послать новую спасательную экспедицию. В эту экспедицию, снабженную мощными спасательными средствами, были приглашены лучшие водолазы Эпрона.

Прибыв на место, эпроновцы тотчас приступили к работе. Не покладая рук трудились они на обледенелом корабле. При жестоких морозах спускались водолазы под лед. Сполохи северного сияния—на Шпицбергене еще продолжалась полярная ночь—освещали затерянный в ледяной пустыне мертвый корабль и работавших на его палубе отважных людей.

Крепкая вера в победу, надежда на сталинскую заботу помогли этим людям совершить чудо—корабль был спасен.

В неслыханной, небывалой работе водолазам оказывало огромную помощь маленькое спасательное судно «Руслан». Не страшась тяжелых льдов и подводных камней, вплотную пробивался «Руслан» к мертвому, недвижимому кораблю. На «Руслане» доставлялась провизия водолазам, «Руслан» снабжал спасательную экспедицию паром и электричеством от своих машин.

В опасной, самоотверженной работе закалялась дружба людей, крепче завязывалась братская связь между экипажами «Малыгина» и «Руслана».

Тем тяжелее пережили моряки катастрофу, происшедшую в океане, когда корабли уже возвращались к берегам родной земли. Заливаемый огромными океанскими волнами, обледеневший «Руслан» начал тонуть. Команда «Руслана» не покладая рук скалывала с палубы корабля глыбы нараставшего льда. Почти целые сутки, потеряв управление, носился по волнам погибавший «Руслан».

На помощь бедствовавшему кораблю от берегов Шпицбергена вышел ледокол «Красин». Долго искал «Красин» скрытого пургою маленького «Руслана». Дежурившие у приемников радисты получали от руслановцев прощальные телеграммы. Потеряв надежду на спасение, мужественно и спокойно прощались моряки со своими товарищами по работе. Последняя полученная с «Руслана» телеграмма состояла всего из двух слов: «Спускаем шлюпки...» Связь между кораблями прервалась.

О подробностях потрясающей трагедии узнали от трех спасшихся руслановцев-моряков, шлюпка с которыми через шесть дней была подобрана норвежским судном.

Гибель «Руслана» омрачила последние дни экспедиции, возвращавшейся на спасенном «Малыгине» к берегам своей земли. Последние телеграммы руслановцев навсегда остались в памяти участников экспедиции.

☆

Спустя несколько недель после гибели «Руслана» писателю, принимавшему участие в эпроновской экспедиции и в поисках погибавшего корабля, довелось рассказывать товарищу Сталину о виденном и пережитом.

С глубоким вниманием товарищ Сталин расспрашивал писателя о работе эпроновцев-водолазов, о трагическом конце «Руслана», о судьбе отдельных людей. Он интересовался причинами катастрофы, состоянием здоровья трех спасшихся руслановцев. От Сталина не ускользнула ни одна подробность. Узнав о героической смерти отважных моряков, до последней минуты боровшихся с бушующим океаном, с глубоким человеческим сочувствием Сталин заметил:

— Корабля не жалко—жалко хороших людей!

Эти простые, человеческие слова Сталина на всю жизнь запомнил писатель. В них сказалось то высокое и великое, что заключено в Сталине, в его пути и делах: его забота о людях, их счастье, их судьбе.

В. Гризодубова

Герой Советского Союза

☆

ДРУГ И УЧИТЕЛЬ

Как часто я бралась за перо, чтобы рассказать о встречах с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, и каждый раз нехватало духа писать. Воспоминания об этих встречах так сильны, что даже в нашем богатом русском языке нехватает слов для того, чтобы их передать.

Вот первая сессия Верховного Совета. Просторный зал. Сюда собрались депутаты, слуги народа. Вышел товарищ Сталин. Совсем близко увидели все его любимое лицо, ласковую улыбку.

Я не могу передать, что тут происходило с нами. Словно птичья стая, полетели аплодисменты. Не смолкали возгласы:

— Слава товарищу Сталину!

— Да здравствует товарищ Сталин!

☆

Вскоре я увидела Иосифа Виссарионовича в простой, домашней обстановке.

Совсем неожиданно меня вместе с другими летчиками пригласили к главе советского правительства товарищу Молотову.

Был теплый, летний вечер. Мы сидели в чудесном парке; заходящее солнце просвечивало через листву.

На веранду вышел Иосиф Виссарионович Сталин.

Мы и не мечтали его увидеть и от радости так растерялись, что и сказать ничего не могли, но, наверное, в наших глазах Иосиф Виссарионович прочитал ту любовь, которая переполняла наши сердца.

Первое впечатление было незабываемо. Ни один портрет товарища Сталина не может передать молодой блеск его глаз, его улыбку. Тот, кто видел Иосифа Виссарионовича, навсегда

запомнит его исключительную сердечность, ласковое и теплое отношение к человеку.

После встречи с товарищем Сталиным чувствуешь себя морально обновленным. Нет, это даже не то слово: Иосиф Виссарионович буквально вдохновляет человека. В нем бьет такой неиссякаемый источник энергии и жизненной силы, что это невольно передается окружающим.

С каким волнением и вниманием ловила я каждое слово Иосифа Виссарионовича, каждое слово, полное глубокого смысла и мудрости!

Во время разговора Иосиф Виссарионович Сталин иногда так улыбнется—чувствуется, что понял не только слова, но и самые затаенные мысли.

Уже ночь окутала тенистый парк, а товарищ Сталин, родной, любимый отец, продолжает беседовать с нами, летчиками.

☆

Третий раз я близко увидела товарища Сталина перед нашим перелетом Москва—Дальний Восток.

В то время Полина Осипенко и Марина Раскова совершали свой замечательный полет от Черного к Белому морю. Я одна готовила наш общий перелет. У меня было много трудностей. Находились люди, которые тормозили подготовку.

И вдруг узнаю: меня вызывают в Кремль к товарищу Сталину. Я должна привезти к нему все материалы перелета.

Вот я в Кремле. Несколько секунд я простояла перед кабинетом Иосифа Виссарионовича: так сильно билось сердце, что казалось, на всю комнату слышен его стук.

Наконец, решилась—открыла дверь. И вот...

В грузинской песне говорится:

Когда солнце видишь в небе,
То ты звезд не замечаешь,—
От огня светила меркнут
Звезд далекие лучи...

Так случилось и со мной. Много людей было в комнате, но я заметила только одного товарища Сталина. Могу ли я передать дословно разговор с Иосифом Виссарионовичем Сталиным? Нет. Но каждый раз, когда мне бывало трудно, я вспоминала об этой встрече, и она вдохновляла меня.

Заботливо, внимательно расспрашивал меня товарищ Сталин о перелете, вникая во все детали, давая ценные указания. На самом сложном участке маршрута, где мы должны были пролетать в конце ночи, над высочайшими хребтами, не было радиостанции.

И товарищ Сталин, узнав об этом, велел послать в северную оконечность Байкала судно, которое имело радиоустановку.

Этим разговором в Кремле Иосиф Виссарионович рассеял все мои тревоги, укрепил уверенность в победе.

На прощанье товарищ Сталин пожелал:

— Счастливого пути!

Если Иосиф Виссарионович Сталин желает победы и счастья, то, несмотря на любые трудности, человек должен достичь успеха, он не может не победить.

☆

...Бодрое утро.

В прозрачный воздух осени поднялся наш самолет «Родина». В эту минуту мысли и чувства мои, Марины Расковой и Полины Осипенко обращены были к нему, другу и учителю— товарищу Сталину.

☆

И там, в глухой тайге, когда мы с Полиной тщетно налаживали аварийную радиостанцию, самым тяжелым для нас было сознание того, что мы, живые, здоровые, выполнили задание и не можем об этом сообщить, а товарищ Сталин о нас беспокоится.

В эти дни Иосиф Виссарионович заботился о нас, как самый любящий, самый нежный отец. Когда мы впервые за это время ночевали под крышей, мы получили текст телеграммы от товарищей Сталина и Молотова.

Когда из тайги мы вернулись в Москву, то прямо с вокзала поехали в Кремль. Я везла Иосифу Виссарионовичу подарок от народов Малого Севера—трубку, вырезанную из моржевой кости и покрытую изящной резьбой.

Мы всю дорогу говорили и думали о том, как увидимся с товарищем Сталиным, что скажем ему, а когда он вышел в Кремле к нам, то от радости все слова улетели из головы, и мы только спросили:

— Можно ли вас поцеловать?

Иосиф Виссарионович засмеялся и сказал:

— Можно.

Мы все трое поцеловали нашего отца, друга и товарища.

Эти драгоценные часы в моей жизни, часы встречи с товарищем Сталиным, светят мне, словно путеводные звезды, заставляют еще лучше работать, еще выше и дальше летать.

И, словно песня, звучат в моем сердце слова:

— Слава тебе, учитель трудовых народов мира, товарищ Сталин!

Н. Сметанин

Депутат Верховного Совета СССР

☆

ПРОСТОТА И ДУШЕВНОСТЬ

Я был участником первого Всесоюзного совещания стахановцев.

Первое заседание состоялось днем в здании ЦК ВКП(б), в небольшом зале, человек на двести.

Там я впервые и увидел товарища Сталина.

Отчетливо, вероятно, на всю жизнь, запомнилось мне то мгновение, когда из боковой двери вошел в зал товарищ Сталин, окруженный своими соратниками, и занял место за столом. Трудно передать тот подъем, который охватил в этот момент всех нас, участников совещания.

Трибуны для ораторов в этом зале не было. Товарищи, выступавшие с речами, подходили к столу. И хотя это, конечно, мелочь, однако, помнится, многим из нас, непривычным к публичным выступлениям, было как-то легче от того, что не надо подниматься на трибуну, а можно просто подойти к столу и начать говорить.

Подходили к столу и говорили товарищи, которых мы все хорошо знали, так же как хорошо знала их и вся Советская страна: Стаханов, Бусыгин, Виноградова...

Во время первых выступлений ко мне подошел товарищ Жданов:

— И ты будешь говорить?

Я заволновался. Боялся, что не смогу сказать свою речь достаточно гладко, собьюсь, забуду сказать то, что казалось важным и нужным сказать в присутствии вождей партии и правительства. Однако, когда я увидел, с каким вниманием товарищ Сталин и его соратники слушают простые речи рабочих, как умеют они подбодрить оратора, двумя-тремя словами вызвать его на простой и искренний, лишенный всякой официальности и натянутости разговор, я сразу успокоился.

Я все думал: с чего начать речь? Решил, что начну прямо с дела, без всяких предисловий...

— Слово предоставляется Сметанину,—услышал я голос председательствующего.

Пока я шел к столу, услышал, как кто-то в президиуме спросил:

— Это тот, со «Скорохода»?

Я на ходу ответил:

— Да, да...

Первые слова своей речи я произнес, сильно волнуясь. Сталин повернулся ко мне, внимательно слушая и пристально вглядываясь в меня. От всей его фигуры, от его взгляда, выражения лица веяло теплотой и чуткостью. Это меня успокоило, и я говорил так, как говорил бы в присутствии старшего товарища, которому я могу доверить все самое важное, душевное, что есть у меня в жизни.

В тот же день вечером мы собрались уже не в здании ЦК партии, а в Кремле. С огромным нетерпением ожидали мы выступления товарища Сталина. Историческая речь товарища Сталина, в которой он с гениальной прозорливостью определил значение стахановского движения, произвела на всех участников совещания глубокое, неизгладимое впечатление. Поистине незабываемый день!

Во второй раз мне пришлось видеть товарища Сталина, когда мне в числе других товарищей была вручена высокая награда—орден Ленина.

Собравшиеся в Кремле награжденные товарищи фотографировались вместе с товарищем Сталиным. Каждому из нас хотелось подойти поближе к Сталину, посмотреть на него. Я тоже подошел к Иосифу Виссарионовичу.

— Иосиф Виссарионович, это Сметанин,—сказал, указывая на меня, товарищ Ворошилов.

— Да, знаю, знаю,—ответил товарищ Сталин.

Я крепко пожал руку Иосифу Виссарионовичу. Хотелось в этом рукопожатии передать всю свою безграничную любовь к нему, нашему великому учителю и мудрому вождю.

Позже я видел товарища Сталина на банкете после первой сессии Верховного Совета СССР. Мое место за столом оказалось как раз напротив товарища Сталина. Хотя и раньше меня поразила простота Сталина, однако теперь она бросалась в глаза еще больше. Товарищ Сталин поднимал тосты за присутствовавших, с большим вниманием слушал выступления артистов, горячо им аплодировал, подходил сам ко многим товарищам, и в каждом его слове и жесте сквозила огромная душевность и чисто отеческая внимательность.

Самед Вургун

Поэт

☆

ГОРДОСТЬ НАРОДА

Сталин мой дорогой! Вдохновитель и вождь!
Ты свободы моей и страны моей мощь!

Была холодная январская ночь. Суровый бакинский ветер стучал в окна. Дома все были погружены в сладкий сон. И только я не смыкал глаз. Волнение лишало меня сна.

Было далеко за полночь. Завтра мы должны выехать. Это необычная поездка. Такие поездки не всегда бывают уделом человека.

Сердце неумолчно твердило мне: Москва... Кремль... Сталин!..

☆

Итак, завтра в дорогу! Но с чем? Где мой подарок? А что может быть даром поэта? Стихи!

Я вскочил с постели.

Письменный стол, словно магнит, тянул меня к себе. Припав грудью к столу, я писал. Мне казалось, сама бумага светится радостью. Прошли беспокойные минуты, и на белом листе появились слова: «*Привет вождю*».

☆

Утром поезд отошел от станции Баку. Нас было больше шестидесяти человек.

Это были представители Азербайджана, едущие в Кремль для встречи с руководителями партии и правительства в связи с 15-летием Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

Какая высокая честь быть посланником народа!

В поезде царит радость и оживление. Лица сияют счастьем, глаза смеются.

Слышатся вопросы:

— Неужели мы действительно едем в Москву?

— Неужели правда, что мы увидим товарища Сталина?

Три дня и три ночи шел поезд. В окнах, мелькая, проносились леса, горы, равнины, города, станции...

Трехдневный путь не долог. Но в ожидании время тянется бесконечно.

— Ах, поскорей бы в Москву!—восклицали многие, выражая свое нетерпение.

На четвертый день нашего путешествия утром поезд остановился на последней станции.

Москва во всем своем величии стояла перед нами!

Город чудный! Город древний!

Город, не склонивший своей главы перед Наполеоном!

Город, где работал и творил счастье человечества великий Ленин!

Город, где продолжает бессмертное дело Ленина его друг и ученик—любимый Сталин!

Город, над которым развеваются красные знамена человечества, в котором, как факел свободы, зовут трудящихся всех стран рубиновые звезды Кремля!

Родина трудящегося человечества—город приветливый и гостеприимный, гордость великого русского народа.

Огромную любовь к труду, искренние, дружеские взаимоотношения, сердечность и простоту, стремление протянуть каждому руку помощи, передать свою мудрость и знание всем, любовь и уважение к памятникам человеческой культуры, особенная теплота к нашим кавказцам—все это встретили мы в Москве.

Соколом сердце летит сквозь небес синеву,
Пылкий привет посылает в родную Москву.
Красная площадь, есть тайная сила в тебе.
Сердце мое, ты всегда призываешь к себе.

☆

Два дня мы отдыхали в этом прекрасном городе. Волны его бурной, как море, жизни подхватили и нас. Как быстро проходит время в Москве!

Наконец, на третий день, около часу дня, мы проходили по Красной площади.

Блестели гладкие, как зеркало, серые камни площади. Вот наш взгляд останавливается на древней, несокрушимой Кремлевской стене.

Кремль—сердце нашей великой родины. Разве не это огромное сердце питает всю нашу страну?!

И вот мавзолей. Этот священный памятник из красного мрамора так величествен, так многозначителен, что погружает человека в глубокие думы.

Спустившись по ступеням мавзолея, мы видим гроб. Невольно дрожь пробегает по телу. Это гробница величайшего сына человечества—Владимира Ильича Ленина.

Его светлый, широкий лоб, чистое, как солнце, лицо заставляют по-иному биться сердца посетителей и вызывают бесконечную вереницу мыслей...

Кажется, будто он только уснул. Нет, нет! Тень смерти на бледном лице так не идет к великому человеку.

Не смерть, а жизнь живет в гробнице той,
И полон силы Ленина покой.
Та тишина—не тишина могил!
Так скажет всякий, кто туда входил...
Великий Сталин, лучший большевик!
Он Ленина мудрейший ученик.
Гремит, сверкает и поет парад.
Идут полки, сердца у нас горят!
Идут народы, славу заслужив,
И видит мир: великий Ленин жив!

Да, исполин мысли, победивший своими идеями смерть, человек, подаривший жизнь миллионам людей, не может умереть! Его бессмертие всегда будет жить, как вечно юное дерево. Чем старше будет становиться человечество, чем более высокой ступени гуманизма достигнет оно, тем роднее и величественнее будет становиться Ленин в глазах грядущих поколений.

☆

Перед нами распахнулись гостеприимные двери Кремля.

Кремлевские часовые, вежливо и внимательно просмотрев наши удостоверения, одного за другим пропустили нас. Их любезность и дружелюбие, их частые «добро пожаловать» были так приветливы, словно и они участвовали в нашем торжестве, радовались и ликовали с нами.

Мы собрались в одном из кремлевских зал.

При свете электрических лампочек стены зала отливали молочной белизной.

Зал был чист, светел и прост. Это-то и составляло его прелесть. Царила глубокая тишина. Мы молча сидели в ожидании, время от времени, стиснув руки, взглядывали друг на друга и улыбались.

Открылась дверь.
Волнуясь, мы оглядывали зал.
Волнуясь, я ни слова не сказал...

Мы ждали Сталина, и он вошел—
И людям городов, аулов, сел
Вдруг стало просто, хорошо, тепло,
Как будто утро ясное пришло.
Он прям и светел—наш народный вождь.
Он доброта, и мужество, и мощь.
Он сел с друзьями. Открывался съезд.
Вдруг, как один, мы разом встали с мест,
Мы—люди разных языков и стран!
И словно в зал ворвался океан,
И словно бы весенний ветер взмыл
От плеска миллионов птичьих крыл!..

Впереди шел товарищ Сталин. Хотя шаги его были довольно крупны, он ступал тихо. Его стальная грудь, видавшая грозные битвы, хранила юношескую, богатырскую мощь и величие.

За ним следовали его ближайшие соратники: товарищи Молотов, Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович, Микоян, Калинин, Андреев.

Они стояли за покрытым бархатом столом. Долго не смолкали поднявшиеся в зале крики: «Ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует Советский Азербайджан!», и шум аплодисментов.

Наконец, в зале наступила тишина.

Товарищ Молотов от имени партии и правительства открыл заседание. Его лицо отражало большое и чистое сердце, приветливость и простоту.

Теперь недавнее молчание и волнение сменилось оживлением. Дружеское и ласковое отношение к нам вождя и его соратников, различные вопросы, задаваемые ими, реплики, вызывающие время от времени всеобщий смех, были так просты, что теперь все чувствовали себя свободнее.

Существует старинная азербайджанская пословица, ярко характеризующая эту мысль: «Чем больше плодов приносит дерево, тем ниже склоняет оно голову».

Товарищ Сталин очень любит азербайджанские народные поговорки и при случае пользуется ими. Товарищ Сталин жил в Азербайджане еще в молодые годы. С тех пор прошло лет 30 с лишним. И тем не менее он не забыл азербайджанские пословицы.

Не отрывая глаз от товарища Сталина, я следил за его словами, движениями, взглядами. Товарищ Сталин был постоянно в движении. Он то вставал с места, то садился, то осматривал приготовленные для гостей патефоны и часы, то, наклонившись, говорил что-то на ухо товарищам Молотову

и Ворошилову, то вносил заметки в свой блокнот, то задавал вопросы, то отвечал говорившим.

Быстрота движений, живость, мощь и сила, звучащие в голосе товарища Сталина, его лоб, за которым вечно работает мысль, благородство, скромность, простота и величие, кроющиеся в его взгляде, указывали на неисчерпаемую энергию этой великой души.

Видевшие его раньше говорили, что товарищ Сталин не постарел.

Сердце, которое живет высокими идеалами, прекрасными чаяниями, сердце, бьющееся для свободы человечества, душа, вся жизнь которой—очаг вдохновения, никогда не может состариться. Такова и красота! Пусть внешняя красота увядает быстро, красота духовная не знает старости.

Выступило около десяти делегатов. Каждого оратора зал выслушивал с глубоким интересом. Все говорили на азербайджанском языке, затем речи переводились на русский язык. Присутствующие, и особенно товарищ Сталин, с огромным вниманием слушали выступления азербайджанок. Героиня-колхозница Алмаз Алиева, девушка-инженер Таира Таирова и летчица Сона говорили так просто и непринужденно, как будто находились у себя дома.

В смелых выступлениях наших девушек говорила новая, свободная женщина Азербайджана.

Свобода женщины—одно из величайших достижений пролетарской революции. Вот что сказал тогда по этому поводу товарищ Орджоникидзе—освободитель Азербайджана:

«Сегодня, слушая речи делегатов, в особенности выступления товарищей тюрчанок,—возьмете ли вы колхозницу товарища Алмаз Алиеву, которая здесь говорила, или летчицу товарища Сона Нуриеву, или инженера из научно-исследовательского института товарища Таирову,—и сравнивая с тем, что было тогда—28 лет тому назад или 15 с лишним лет назад,—особенно ярко и наглядно видно, какая огромнейшая разница! Вместо забитой, никем не признаваемой за человека тюрчанки мы видим сейчас смелую, свободную колхозницу, летчицу и научную работницу-инженера. Это, по-моему, одно из самых больших достижений нашего Азербайджана».

Эту свободу, это счастье женщины Азербайджана отметил в своей речи и руководитель нашего правительства товарищ Молотов:

«Больше всего видно значение победы советской власти на примере азербайджанской женщины, освобожденной от закрывавшей глаза чадры, ставшей на путь культурной жизни и получившей возможность итти в ногу с самыми передовыми людьми Советского Союза».

Слова товарища Молотова были встречены бурными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Под впечатлением этих высказываний об азербайджанской женщине написаны следующие строки в поэме «Басти».

...Басти! В тот миг взглянул я невзначай
На профиль твой, на скромный келагай
На черных волосах, на жаркий глаз,
На жизнь твою, на твой счастливый час,
На лоб, на приоткрытые уста—
И вдруг я понял слово
«красота»!
Ты преданно глядела на того,
В ком наша честь и наше торжество,
Кто нас ведет дорогою побед,
Кто женщине открыл широкий свет...
Басти, что прежде было бы с тобой?
Была бы ты восточною рабой...
Состарилась бы в горькой нищете.
Теперь страна не та, и мы не те!
И вождь великий на тебя взглянул,
Перед его глазами промелькнул
Твой славный путь. И улыбнулся вождь...
Он доброта, и мужество, и мощь!
Вот вспыхнул орден на твоей груди.
Широкая дорога впереди!
И золотые на руке часы
Подарены не для пустой красы,
А чтоб всегда ты помнила о том,
Что в золотое время мы живем!
Я был с тобой, и я стихи читал,
Блистал передо мной Кремлевский зал,
И в нем дышал народ страны родной,
Как дышит море в теплый день весной...
Я говорил, и это слышал вождь.
Он доброта, и мужество, и мощь.

Среди делегатов находилась и стахановка совхоза Кара-Чала товарищ Кремлева. Эта героическая дочь великого русского народа простым языком рассказала о своих достижениях на хлопковом фронте.

Товарищ Сталин задал ей ряд вопросов:

Сталин. Давно ли работаете в Азербайджане?

Кремлева. С 1925 года, с того времени, как я окончила вуз.

Сталин. И все время в Кара-Чале?

Кремлева. Да, все время в Кара-Чале.

Сталин. А азербайджанский язык изучили?

Кремлева. Изучила.

Сталин. Основной район Мугань?

Кремлева. Да, основной район египетского хлопчатника—Мугань.

Сталин. Не все районы освоили египетский хлопок?

Кремлева. Не все районы еще освоили, но египетский хлопок в Мугани везде уже есть. Я даю обещание приложить все свои знания, опыт и труд для того, чтобы достигнуть мировых рекордов урожайности египетского хлопка.

— Да здравствует наш великий вождь товарищ Сталин!

Все присутствовавшие в зале, встав с мест, долгими, бурными аплодисментами приветствовали товарища Сталина. «Ура!», «Привет товарищу Сталину!», «Да здравствует товарищ Сталин!»—все эти возгласы неслись водопадом чувств.

Товарищ Молотов предоставил слово мне. Когда я направлялся к трибуне, он спросил:

— Нужен ли переводчик для вашей речи?

— Нет, товарищ Молотов,—ответил я.—На обоих языках буду говорить я сам.

— Пожалуйста!

Приняв во внимание, что мне надо и произнести речь и прочесть свои стихи, я стал говорить только по-русски:

— Дорогие товарищи! У нас есть предание, что в Шемахинском районе Азербайджана существовал когда-то родник вечности. Вода этого родника якобы делала человека бессмертным. Напился этой воды пророк Илья. Но он, будучи эгоистом, как и все пророки, скрыл этот родник от других людей и улетел из этого района, сказав, что в тяжелые времена ислама он вернется.

Прошли глухие столетия, азербайджанский народ долго страдал под игом завоевателей, а легендарный обманщик пропал и не явился. Легендарный родник был затоптан копытами коней завоевателей, проходивших по этому району. Но трудовое человечество из своей среды создало реальных спасителей угнетенного мира, реальных и верных капитанов земного корабля—Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Товарищи, я сейчас чувствую, с какой великой радостью бьется мое сердце. Биение моего сердца—это приветственные аплодисменты всей советской интеллигенции великому инженеру человеческих душ—товарищу Сталину и его верным соратникам—товарищам Молотову, Калинину, Ворошилову, Орджоникидзе, Микояну и Кагановичу.

Я очень счастлив, что имею возможность прочесть свое стихотворение перед любимым, родным вождем.

Я прочел свои стихи сначала на азербайджанском и затем на русском языке.

От звезд, проплывающих над Баку,
От женщин, не знавших чадры на веку,
От крыл журавлей, что звенят наверху,
И песен, что множат струну на строку,
Где солнце Восточных ворот на-чеку,
Где дни, словно спелые дыни в соку,
Где чувству свободно и языку...
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Читая стихи, я время от времени поднимал глаза на товарища Сталина. Он ласково и внимательно слушал. Может ли быть большее счастье для скромного поэта?

Окончив чтение, я подошел к товарищу Сталину и пожал ему руку. Сколько силы и чувства было в этой руке!

Когда я подал руку товарищу Сталину, он спросил:

— Товарищ Самед Вургун?

— Да, товарищ Сталин.

— А ваша фамилия?

— Векилов.

— А по-азербайджански как?

— Векил заде!

Я прошел и сел на свое место.

Затем товарищ Молотов произнес свою заключительную речь и закончил ее словами:

— Яшасын Азербайджан зэхметкешляри!

Эти его слова, произнесенные по-азербайджански, выражали любовь и уважение наших славных руководителей к азербайджанскому народу, завоевавшему под знаменем Ленина—Сталина свободу и счастье.

Прошло три года с того незабываемого дня. Я все еще чувствую в своей руке теплоту руки вождя.

Эти три года были самыми плодотворными годами моего творчества. Я творю и живу неугасимым вдохновением, которое зажгла во мне встреча с великим вождем.

Халима Насырова

Народная артистка СССР

☆

Я ПЕЛА ПЕРЕД ВЕЛИКИМ СТАЛИНЫМ

Первого мая 1936 года в красочном и многоголосом потоке демонстрантов я шла на Красную площадь. Медленно проходят тысячи людей мимо Исторического музея. Вот в просветах между знаменами, флагами, плакатами мелькнул силуэт мавзолея. В уголке, на левой его трибуне—группа людей. Сердце бьется частыми, сильными ударами, горло сжимается от волнения. Все ближе... Я не слышу криков ликования, где-то звучат оркестры, а я все смотрю, смотрю...

Вот он, Сталин, окруженный своими соратниками и друзьями, высоко подняв руку, приветствует свой народ. Сталин улыбается.

☆

Узбекистан готовится к декаде в Москве. В напряженные дни подготовки, забыв, что значит сон, мы, увлеченные одной мыслью—«нас увидит и услышит Сталин», работаем с удвоенной энергией...

Наконец, мы в Москве. Даже в самом смелом, фантастическом сне человек не может пережить то, что переживали тогда участники декады. Невозможно найти слов для описания чувств, овладевших мною, когда я вышла на сцену Большого театра. Я играла главную роль в пьесе «Гюльсара». Эта пьеса повествует о жизни узбекской женщины, скованной цепями шариата и освобожденной ленинской и сталинской правдой.

Во мне боролись два желания: одно—не отрываясь, глядеть в ложу, где сидит Иосиф Виссарионович, и другое—играть как можно лучше. Мне хотелось крикнуть:

— Ведь это я Гюльсара, это мне Ленин и Сталин дали жизнь, это *мое* счастье, *моя* радость!

...Ведь и я прошла жизнь, полную горечи и лишений. Я выросла в детском доме, одна, далеко от родного кишлака, в чужом, пасмурном городе.

Отца своего я не помню. Мне было четыре года, когда сломленный нуждой и непосильным трудом умер мой отец— бедняк Насыр.

...Однажды кто-то из ребят спросил меня:

— Халима, кто твой отец?

Не зная, что ответить, я подошла к воспитателю:

— Ока, кто мой отец?

Воспитатель взял меня за руку и подвел к портрету, висевшему в зале. Лучистыми, чуть прищуренными глазами на меня смотрел Ленин.

Я возвратилась к детям и увлекла их в залу.

— Вот мой отец!—гордо сказала я, указывая на Ильича.

— И мой... и мой...—раздалось вокруг.

И, действительно, это Ленин и Сталин вырастили меня, как и миллионы других обездоленных детей в счастливых граждан СССР. Это мудрая ленинско-сталинская национальная политика дала народам СССР счастливую жизнь. Это советская власть дала мне возможность учиться, развить свои способности и стать народной артисткой СССР.

С именами Ленина и Сталина я прошла всю свою юность, с ними я вышла на дорогу искусства, в честь их я разучивала первые песни и стихи.

И вот теперь я стала артисткой и выступаю перед великим Сталиным в роли освобожденной узбечки, и он посылает мне, своей дочери, улыбку.

...За кулисами движение и приглушенный говор. Все столпились у левой стороны сцены, смотрят на правительственную ложу. Едва покинув сцену, я стремглав бегу к товарищам. Каждый ревниво оберегает свое место. На просьбы посторониться слышу завистливые слова:

— Ты со сцены лучше нас видела Сталина, не отнимай нашей радости!

Как это трогательно звучало в устах стариков, юношей и девушек.

В конце спектакля, когда зал дрожал от аплодисментов, мы вышли на сцену и вместе со зрителями бурно рукоплескали товарищу Сталину.

☆

Прием участников декады в Кремле. Мы заняли свои места за столами. Ко мне обращаются соседи, о чем-то говорят, но я не понимаю их,—глаза мои устремлены на широкие двери. Вдруг все затихло.

Мне знакома тишина зрительного зала перед поднятием занавеса; я знаю тишину песчаных просторов Туркмении и снежных вершин Таджикистана. Но сейчас тишина была особенно торжественная, буквально осязаемая...

И вот появился Сталин. В едином порыве мы поднялись со своих мест, и гром аплодисментов огласил высокие своды Кремлевского дворца. А он—вождь, учитель, отец, друг—тепло и ласково улыбается нам.

Когда мы ехали в Кремль, нас всех волновала мысль: как нужно держать себя в присутствии Сталина и его соратников? Но с приходом Иосифа Виссарионовича стало так радостно, его простое, приветливое обращение с людьми создало такую непринужденную обстановку, что каждый чувствовал себя, как в кругу своей семьи.

Неожиданно меня, Тамару Ханум и Мукурам Тургунбаеву пригласили за стол, где сидели члены правительства. Мое место оказалось рядом с Буденным. По другую его руку сидел Ворошилов, а за ним—Сталин...

Сидя за одним столом с товарищем Сталиным, я вспомнила, как старый колхозник из Маргелана рассказал мне легенду о счастье. Если красивый Батур, летящий по миру на крылатом коне, прикоснется к человеку,—тот становится счастливым.

— Этот Батур для нас Сталин,—закончил свою легенду старик.

Старик был прав. И я почувствовала себя бесконечно счастливой, когда поднялся Сталин и, протянув ко мне руку с бокалом, чокнулся со мной...

В дни первой декады мы обещали товарищу Сталину создать узбекскую оперу. Возвратившись в Ташкент, я и мои товарищи горячо взялись за выполнение этого обещания. Теперь я с гордостью могу сказать о том, что первая узбекская опера создана. Опера «Буран» по своему содержанию и звучанию займет не последнее место в ряду советских опер. В дни второй декады узбекского искусства мы будем счастливы показать ее товарищу Сталину.

...В день сорокалетия МХАТ имени Горького я сидела в президиуме торжественного собрания. В правительственной ложе появился Сталин, и я вновь близко увидала вождя трудящихся всего мира. Это была третья встреча.

...Мы готовимся ко второй декаде узбекского искусства в Москве и надеемся тогда снова увидеть Иосифа Виссарионовича. Я с трепетом жду этого дня и готовлюсь к нему. Мне хочется ознаменовать новую встречу с вождем новыми успехами, чтобы улыбка появилась на его лице, чтобы он был доволен... Каждый успех своего творчества я посвящаю товарищу Сталину.

Я, народная артистка, живу искусством сталинского советского народа и для народа пою свои песни. Поэтому, когда узбекский народ с именем Сталина на устах в великом творческом порыве создавал замечательное сооружение—Большой Ферганский канал,—я считала своим долгом перед народом работать на этом строительстве. Песней помогала я двухсоттысячному коллективу строителей творить свое большое дело. Вместе с большой армией работников искусства Узбекистана я выступала в шестидесяти концертах и постановках за месяц. Такая нагрузка возможна только при огромном внутреннем эмоциональном подъеме. Народ сложил про Ферганский канал песни, поэты—стихи, драматурги и композиторы—оперу «Сыр-Дарья». Ее мы покажем в дни второй декады.

Шестьдесят лет живет для мира великий Сталин. В этот радостный для всего советского народа день хочется громко повторить слова узбекского народа, обращенные к Сталину:

На наше счастье ты родился, наш отец!
Благодарим тебя от глубины сердец!..
На наше счастье ты живешь, отец! Так будь
На долгие года непобедим твой путь,
На долгие года живи и будь здоров,
К нам—ласков, а к врагам безжалостно суров!
Наследник Ленина, для нас—ты сам Ильич!
Нет тех высот, чтоб нам с тобою не достичь,
Нет тех преград, чтоб мы не рушили с тобой.
Веди нас дальше, вождь, веди в последний бой!

А. Юмашев

Герой Советского Союза

☆

ИСТОЧНИК НАШЕЙ СИЛЫ

Впервые я близко видел товарища Сталина и разговаривал с ним в 1933 году.

Это было в Москве, на Красной площади, в день первого праздника физкультурников. Несколькими днями ранее я выполнил задание правительства по испытанию тяжелого корабля, совершив на нем беспосадочный дальний перелет на расстояние более трех тысяч километров.

По окончании парада товарищ Ворошилов подозвал меня к себе, и вместе с ним мы подошли к товарищу Сталину.

Это был счастливейший день моей жизни. Товарищ Сталин поздравил меня с выполнением ответственного задания, расспрашивал о подробностях перелета. Беседа продолжалась недолго, но оставила на всю жизнь неизгладимое впечатление. Уходя с Красной площади, я чувствовал новый прилив энергии, желание работать еще лучше, еще больше.

С тех пор я видел Иосифа Виссарионовича много раз: и в рабочей обстановке—на совещаниях, заседаниях, и на праздниках, и на парадах, и на торжественных приемах в Кремле.

С каждой новой встречей я находил все новые и новые черты, дополняющие образ великого человека.

Когда на совещаниях обсуждается какой-нибудь сложный вопрос, Сталин с исключительным вниманием выслушивает мнения рядовых работников, рассказывающих о мельчайших деталях своего дела. На эти детали и специфические особенности товарищ Сталин всегда обращает особенное внимание; в нем чувствуется хороший специалист во всех отраслях науки, техники, производства.

Так, например, товарищ Сталин постоянно вникает в детали конструкции самолета, интересуется техникой полета, работой мотора и т. д.

С изумительной точностью Сталин резюмирует высказывания, делает совершенно ясные, конкретные выводы, которые в дальнейшем служат нам программой работы.

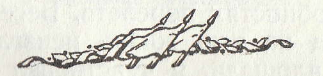
Не преувеличивая, можно сказать, что достижения нашей страны, в частности большие успехи нашей авиации, являются результатом непосредственного личного руководства товарища Сталина.

Особенно хочется рассказать о любви товарища Сталина к нам, летчикам.

Как-то на одном совещании Иосиф Виссарионович сказал, что он любит летчиков. Эту любовь Сталина мы чувствуем в своей повседневной работе. Отеческая забота вождя придает нам силу и уверенность в победе. Во время выполнения самых ответственных заданий первая наша мысль—выполнить задание так, чтобы не стыдно было доложить потом товарищу Сталину.

Когда в 1936 году мной был установлен рекорд высоты с грузом в 5 тонн, я получил письмо от Сталина с поздравлением и пожеланием новых успехов.

В ответственном перелете через Северный полюс наш экипаж с мыслью о Сталине преодолел все трудности. Величайшей радостью и наградой для нас была телеграмма с поздравлением от Иосифа Виссарионовича, полученная в день окончания перелета в США и зародившая в нас мечты о новых дерзаниях и победах во славу великой нашей родины, во славу Сталина.

Константин Борин

Депутат Верховного Совета СССР

☆

ВОСПИТАННИКИ СТАЛИНА

Это было 1 декабря 1935 года. В зале заседаний Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) состоялось совещание передовых комбайнеров и комбайнерок СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства.

Из далекого Казахстана, из хлопкового Узбекистана, из солнечной Грузии и Украины, с Кубани и Волги, с Кавказа и Крыма—со всех концов Советского Союза собрались в Москву мастера комбайновой уборки. Нас было двести человек.

Мы были счастливы и горды за свой народ, за свою родину, за свою партию, поднявшую нас, простых людей, на небывалую высоту.

Многие из нас в своих выступлениях говорили не только о сегодняшней работе, но и рассказывали о прошлой, проклятой, раз и навсегда ушедшей жизни.

Вот вспоминает о своей прошлой жизни комбайнер Семен Владимирович Полагутин:

— Прошлое мое—одни слезы. Я пас скотину кулака девять лет, меня пороли плетью.

Дошла очередь мне выступать. Я рассказал, что до недавнего времени в нашем Горьковском крае не знали комбайна. У бедняков земли так было мало, что они свои наделы «лаптями мерили». Не кормила земля. Волей-неволей приходилось итти в кабалу к горбатовским купцам. Этой жизни и мне пришлось отведать. В нашем хозяйстве была одна лошадь, да и та издохла. И только советская власть показала нам, беднякам, другую дорогу, дорогу к той жизни, за которую боролись рабочие и крестьяне под руководством великой партии большевиков.

В 1933 году я с семьей переселился на Кубань. Там мы, переселенцы, создали колхоз имени Максима Горького.

Я рассказывал совещанию о первых серьезных успехах колхозников, сломивших под руководством партии и правительства остатки контрреволюционного саботажа на Кубани; говорил о зажиточности, пришедшей в дом каждого честного колхозника.

Товарищ Сталин очень внимательно слушал речи комбайнеров.

Он меня спросил:

— Сколько вам лет?

Я ответил:

— Двадцать семь.

— А выглядите вы совсем молодым,—заметил товарищ Сталин.

Тогда я сказал то, что наверняка бы сказал каждый человек нашей страны социализма:

— Я молод потому, что я живу в Советской стране, где хорошо воспитывают и где хорошо жить.

Да, великое счастье жить и работать в Советской стране, где яркими звездами горят слова нашего любимого товарища Сталина о том, что люди, кадры—самый ценный капитал из всех капиталов, имеющихся в мире.

Совещание продолжалось всего один день—1 декабря. Но какая это была богатейшая политическая и техническая школа!

Выступает комбайнерка Мария Петрова из Саратовского края. Она волнуется, речь как-то не вяжется. Ведь впервые она, простая крестьянка, произносит речь в ЦК партии. Но товарищ Сталин, как отец, подбадривал Петрову:

— Говорите смелее, здесь все свои.

И верно—все свои. Все мы, участники совещания, приехали не хвалиться одержанными победами, а учиться друг у друга и учить других.

У многих комбайнеров во время работы зачастую рвались цепи Галля. Товарищ Сталин спрашивал у нас об этом, интересовался, как мы смазываем цепи, выяснял возможности работы на третьей скорости.

После наших выступлений взял слово товарищ Сталин. С тех пор прошло четыре года. Но и сегодня я помню речь вождя, помню все так ясно, как будто это было вчера.

Товарищ Сталин тогда поставил задачу: добиться через несколько лет ежегодного производства зерна не менее 7—8 миллиардов пудов.

Выросла наша страна. Увеличилось число городов, жителей в городах, рабочих в промышленности. Культурной, зажиточной жизнью живет колхозная деревня. Коренным образом изменилась жизнь трудящихся города и деревни. Значит, увеличилась и потребность в хлебе.

Мы ощущали вескость, проникновенность каждого сталинского слова, чувствовали, сколько в каждом слове заложено энергии, решимости, ума, воли, мысли, любви к людям.

Борьба за 7—8 миллиардов пудов зерна—это борьба за высокие урожаи, за изобилие сельскохозяйственных продуктов, это борьба за счастье советского человека.

Мы, комбайнеры и комбайнерки, почувствовали огромную ответственность за успех этой борьбы, которая требовала от нас еще быстрее двинуть вперед и оседлать богатую технику, пришедшую из социалистического города на колхозные поля.

Товарищ Сталин сказал:

— Особое внимание следует обратить на комбайны и на комбайнеров. Вы знаете, что самое ответственное дело в зерновом хозяйстве уборка. Уборка—дело сезонное, и она не любит ждать. Убрал во-время—выиграл, опоздал в уборке—проиграл. Значение комбайна состоит в том, что он помогает убрать урожай во-время.

Это указание товарища Сталина стало знаменем всех водителей степных кораблей. Работая под этим знаменем, тысячи комбайнеров добились блестящих успехов, опередив зачинателей борьбы за высокую производительность комбайнов.

Заканчивая свою прекрасную речь, товарищ Сталин выразил пожелание, чтобы число наших комбайнеров и комбайнерок росло не по дням, а по часам.

По всем углам нашей великой родины разнеслись сталинские слова. Они звали крестьянских сыновей и дочерей множить армию водителей степных кораблей, овладевать техникой, итти в первых рядах борцов за 7—8 миллиардов пудов зерна.

☆

После совещания комбайнеров я впервые в жизни поехал на курорт. После курорта, в марте 1936 года, в числе остальных награжденных орденами комбайнеров и комбайнерок я был вызван в Москву за получением ордена.

В Кремле при вручении орденов присутствовал товарищ Сталин. Трудно было сдерживать чувство радости и восхищения, что товарищ Сталин сумел при всей своей занятости найти время для новой встречи с комбайнерами.

Месяц пребывания в санатории мне показался удивительно длинным. Странно как-то было: целый месяц—тридцать длинных дней—ничего не делать, не работать, а просто отдыхать. Вероятно, от такого необычного восприятия курортного отдыха я даже немного похудел.

И вот в день получения орденов собралось нас, комбайнеров, много. Иосиф Виссарионович, встретясь со мной, заботливо спросил, отчего я похудел. Я был растроган.

Такой отеческой тревогой, беспокойством, заботой о нас, простых людях, проникнуты все замечательные дела, вся жизнь дорогого и любимого товарища Сталина.

☆

В ноябре 1936 года в Москве собрался Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов. Меня на этот исторический съезд делегировала колхозная Кубань.

Двадцать пятого ноября на трибуну съезда поднялся Иосиф Виссарионович Сталин. Он выступал с докладом о проекте новой Конституции СССР, самой демократической конституции в мире.

Нас, делегатов, было тогда в Большом Кремлевском дворце несколько тысяч. Доклад вождя, передаваемый по радио, слушали миллионы.

Просто, сжато, понятно говорил товарищ Сталин. Каждая его фраза, каждая формулировка была насыщена глубоким политическим содержанием.

На съезде выступил и я, в недавнем прошлом батрак, ставший теперь знатным комбайнером.

Я говорил о новом лице нашей колхозной казачьей деревни. Я сообщил, что только за один год механизация на уборке урожая в наших колхозах выросла почти в шестнадцать раз, что у нас в СССР труд—это великая радость, ибо мы работаем на себя, на свою страну, на свой, советский народ. Вот почему я, обученный советской властью новой технике, сумел на одном комбайне «сталинец» в 1936 году выработать 2 040 гектаров. Вот почему миллионы крестьянских сынов и дочерей, освобожденные от капиталистического гнета, творят замечательные дела на благо своей матери-родине.

Великое счастье выпало на мою долю, счастье слушать и видеть творца новой Конституции, названной народом Сталинской.

Я участвовал в обсуждении проекта Конституции, которая стала основным законом Советского Союза, вступившего в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Воспоминания о тех днях никогда в моей памяти не изгладятся, ибо в те дни я, посланец кубанских колхозников, еще раз видел Сталина, работал вместе с ним, голосовал вместе со всем народом, вместе с любимым товарищем Сталиным за новую Конституцию страны победившего социализма.

☆

Двадцать четвертого марта 1938 года я был на приеме в Кремле героических папанинцев, участников дрейфа в Центральном полярном бассейне.

Я видел, как товарищ Сталин обнял, расцеловал и поздравил с победой товарищей Папанина, Кренкеля, Ширшова и Федорова.

Товарищ Сталин, как отец, принял папанинцев—сынов Страны советов, страны героев.

Трагична была судьба многих отважных исследователей, которые заплатили жизнью за попытку проникнуть в глубь Арктики. Они погибли потому, что действовали в одиночку, лишенные поддержки царских чиновников и тогдашнего буржуазного общества.

Папанинцы смело дерзали, они несли сталинское знамя, знамя советской науки уверенно и смело вперед. Они знали, что их труд еще больше укрепит могущество социалистической родины, что их всегда поддержит советский народ, поддержит любимый Сталин.

И папанинцы победили!

Они в своей героической работе всегда ощущали заботу и любовь всего народа, всей страны, всей партии и лично товарища Сталина.

☆

Десятое марта 1939 года. Эта дата золотыми буквами записана в истории Советского государства, в истории всего человечества.

Это новое, ярчайшее событие в моей жизни. Я делегат XVIII съезда ВКП(б). Я снова слушаю нашего великого Сталина.

Доклад ярким прожектором осветил путь, пройденный партией и советским народом. Доклад поднял страну на новые победы, вооружил рабочих, колхозников, интеллигенцию, молодые и старые кадры блестящим анализом современного международного положения, обогатив марксизм-ленинизм дальнейшей разработкой теории о пролетарском государстве.

☆

Прошло четыре года со дня первой встречи с товарищем Сталиным.

Замечательное прожито время! Мы работаем и совершенствуемся. Растет и крепнет наша социалистическая родина. Растут ее люди, растет армия комбайнеров и комбайнерок.

Первый комбайнер, запевала стахановского движения среди водителей степных кораблей, Федор Илларионович Колесов,

теперь депутат Верховного Совета СССР, работает председателем Чкаловского облисполкома.

Народ избрал в социалистический парламент немало комбайнеров и комбайнерок, участников того памятного исторического совещания. Многие комбайнеры стали студентами вузов, выдвинуты на руководящую советскую и партийную работу.

Рост кадров хорошо виден хотя бы на примере нашего комбайнового агрегата Штейнгартовской МТС Краснодарского края.

Когда я приехал из Москвы с совещания, в наш агрегат пришел работать молодой колхозник комсомолец Федор Афанасьев. За три года совместной работы на уборке урожая Афанасьев вырос в подлинного мастера комбайновой уборки, заняв одно из первых мест в стране по выработке на комбайн. Теперь Афанасьев член партии, учится в Академии социалистического земледелия.

Молодая колхозница Клава Вороная, начавшая работать в нашем агрегате четыре года назад, получила звание мастера комбайновой уборки. Она, так же как и Афанасьев, добилась права быть участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Наш агрегат, как и многие другие, стал кузницей кадров, воспитывая новых людей, овладевающих техникой. Вот, к примеру, молодые колхозницы Паша и Мария Донец, Лидия Борина: за два сезона они стали квалифицированными штурвальными, могущими возглавить работу комбайнового агрегата.

Мастером комбайновой уборки стал и колхозник Трофим Кабан. Николай Ушаков, хорошо овладев техникой управления комбайном и трактором, вот уже два года руководит нашей тракторной бригадой. Его бригада—участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка показала всему миру поразительный рост урожайности наших полей, технический прогресс нашего земледелия, рост новой армии механизаторских кадров сельского хозяйства. Вместо двухсот передовиков-комбайнеров в 1935 году теперь десятки тысяч водителей степных кораблей из года в год дают высокую выработку. Вместо 27 тысяч комбайнов в 1935 году на наших полях теперь работает свыше 150 тысяч комбайнов. Вместо нескольких тысяч комбайнеров мы имеем более 300 тысяч комбайнеров и их помощников.

Комбайнер и комбайнерка стали наиболее уважаемыми и знатными людьми колхозной деревни.

С дорогим каждому трудящемуся именем Сталина комбайнеры проявили и проявляют чудеса трудового героизма. С этим

именем миллионы крестьян вступали в колхозы, укрепляли и укрепляют колхозный строй. С этим именем мы, комбайнеры, идем и будем всегда итти к новым победам. С именем любимого Сталина мы всегда готовы пойти в бой против любого врага за свою родину, за свою партию, за счастье всего советского народа.

За годы советской власти с низов поднялись миллионы людей. Я один из них. Я с радостью и гордостью говорю: я воспитанник великого Сталина.

Народ мне оказал большое доверие, избрав депутатом Верховного Совета СССР. Я готов отдать все свои силы за свой народ, за свою партию, за своего отца, друга и учителя, за нашего близкого, горячо любимого Иосифа Виссарионовича Сталина.

Тамара Ханум

Народная артистка Узбекской ССР

☆

БУДУ ПОМНИТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ

Это было в 1924 году. Я впервые приехала на учебу в Москву. На параде 7 ноября со всеми учащимися в колонне народов Востока я под ладоши и аккомпанемент бубна, как во сне, проходила в танце по Красной площади. Все было так пестро, так нарядно, и все мы были так рады, что, наконец, увидим впервые того, кто дал нам счастье.

И вот через несколько шагов мы приблизились к мавзолею Ленина, вот уже трибуна, на которой стоят члены правительства и приветствуют демонстрантов. Как сейчас помню, Михаил Иванович Калинин помахал нам белым платком. Помню, кто-то крикнул: «Да здравствуют народы Советского Востока!» Было трудно и танцовать и разглядеть все, но я ясно помню, как улыбался Сталин, аплодируя и ласково глядя на дружную семью, съехавшуюся со всех концов нашего великого Союза.

☆

Второй радостный день в моей жизни был опять же в Москве, когда столица праздновала 1 мая. Солнце ярко сияло, озаряя нарядно одетых молодых и здоровых горожан Москвы. В этот день даже старые выглядели как-то моложе. Собрались мы все на Спиридоновке, где учились наши узбекские студенты. Тогда мы приехали на гастроли с этнографическим ансамблем, у нас был сильный хороший состав национального оркестра. И вот все готово, бубны и нагара.

На большом нарядном грузовике выстроились корнаи, сурнаи. Сердце замирало от радости перед выступлением. Семь часов утра. Все в сборе. На мне был яркокрасный бархатный

халат, новая тюбетейка, блестящие серьги, гремящие украшения. Все это создавало настроение, и мне было невтерпеж. «Когда же мы уже будем на площади?»—спрашивала я.

Вот мы едем. По улицам звонко раздаются песни, звуки гармошки, где-то в кругу парни танцуют с девушками. Вот маленькие дети, а вот и физкультурники. Все пестро, все мелькает перед глазами. Чтобы хорошенько разглядеть все, я взобралась на кабинку грузовика. Вдруг корнаи и сурнаи заиграли мою любимую танцовальную мелодию, и прямо на кабинке я стала танцовать. Мы остановились недалеко от Красной площади. Уже было видно, как проходят колонны через всю площадь.

Вот мы уже у ворот. Вся раскрасневшаяся от танца, волнуясь от предстоящего выступления перед членами правительства, я была просто сама не своя. Ведь нужно было танцовать и хорошенечко рассмотреть Сталина.

Снова грянули бубны, заревели корнаи, и я, как вихрь, понеслась в танце. Вот-вот уже близко к трибуне, вот ясно видны Молотов, Ворошилов, а вот и знакомая улыбка дорогого Сталина. Незаметно для себя я на мгновение остановилась и вдруг, опять, спохватившись, начала с необыкновенной быстротой кружиться в чархе, от которого развевался широкий красный халат и по инерции кружил меня.

Не хотелось уходить, но мы уже прошли трибуну, освобождая дорогу другим. После демонстрации мне говорили студенты, что я была похожа на летящую птицу с красными крыльями. Только приехав домой, я заметила, что от моих ичигов осталось только одно воспоминание—они были совсем разорваны. Мы долго, долго вспоминали о том, как нам аплодировал Сталин, как нам кричали: «Да здравствует солнечный Узбекистан!» До сих пор помню дорогую, всем нам знакомую отцовскую улыбку Сталина.

☆

Мы только что возвратились с Международного фестиваля танца в Лондоне. Мы успели все за это время нашей поездки сродниться, нам казалось, что мы всю жизнь жили вместе: узбеки, таджики, грузины, русские, украинцы, и даже в нашей маленькой группе была эстонка—ее звали Эли Курыка. Я ее очень полюбила: простая, задушевная девушка. Сейчас Эля Курыка—солистка ансамбля пляски народов СССР. Все молодые, здоровые, жизнерадостные, согретые сталинской заботой, мы плясали в огромном пятнадцатитысячном зале «Альберт Холла» что есть мочи, и даже холодные англичане не выдержали и, зараженные нашими задорными танцами, аплодировали, стучали ногами и кричали: «Вив ля руси!»

Это были незабываемые дни. И вот мы опять у себя. Красная столица принимает свои молодые дарования, возвратившиеся на родину с громадным успехом. Невозможно описать всю радость и все волнение, которое мы тогда переживали. После выступления в ВОКС, как сейчас помню, нас всех собрали в отдельную комнату. Мы притихли. Началось собрание с того, что нужно будет завтра в назначенный час быть готовыми и одетыми в самые нарядные костюмы, потому что (говоривший стал улыбаться), потому что нас будет принимать... Мы не дали ему договорить фразу, и все сразу закричали: «Знаем, знаем, Сталин будет принимать нас»...

Что-то было неописуемое: кричали «ура», обнимались, целовались, плакали. Все это было от радости. Еле-еле нас остановили и сказали: «Ребята! Слушайте внимательно. Вас будет принимать не какая-нибудь королева Англии—будет принимать вождь мирового пролетариата товарищ Сталин».

Еще и еще раз раздались крики «ура». Даже наш старый Уста Алим вел себя, как мальчик. У него блестели глаза, он кричал вперемежку по-русски и по-узбекски: «Яшасун товарищ Сталин!»

И вот, наконец, настал этот счастливый час—мы получаем пропуска в Кремль. Нам казалось, что нас встретит у ворот суровая стража. Но, к нашему великому удивлению, молодые, красивые красноармейцы, увидя нас, сказали, улыбаясь:

— Добро пожаловать, знаменитые гости!

Не могли не улыбаться все, кто видел в этот день нас. Мы были так счастливы, нам так было весело, что даже самый угрюмый человек и тот бы рассмеялся.

Вот нас проводят за кулисы. Всем нам дали по отдельной комнате. Но мы не могли сидеть в разных комнатах, конечно, собрались все в одну, и поднялся галдеж. Стали расспрашивать, кто видел уже Сталина. Я похвасталась, что видела его уже два раза. Но все равно волновалась так же, как и все. Наш шум нарушил комиссар сцены. Он тоже радовался за нас и сказал:

— А теперь приготовьтесь, волноваться не нужно, ведите себя свободно, спокойно, товарищ Сталин любит простоту.

За кулисами было тихо, все приготовились. Так же как в Лондоне, все выстроились парами. Впереди шел знаменосец в форме моряка, наш лихой танцор, рабочий с завода «Электролампочка», который отличился танцем «яблочко». Под гром аплодисментов мы сделали всей группой шествие по сцене и остановились полукругом. После небольшого доклада о поездке начался концерт. Но как можно было не волноваться: проходя по сцене через ослепляющие прожекторы, мы видели лица сидящих дорогих нам людей.

Как сейчас помню, Сталин был в светлосером костюме, в руках у него программа нашего концерта. Он разговаривал с Ворошиловым, что-то показывая в программе. После нескольких номеров было объявлено мое выступление. Когда мои музыканты—Уста Алим, Тохтасын Джалилов и Абдукадыр Исмаилов—сели после поклона и начали первые аккорды танца, у меня слегка закружилась голова, но это был только момент. Услышав знакомый звук дойры, я медленно выплыла на сцену. Раздались аплодисменты, я в танце же поклонилась и начала свой танец. Вот я уже кружусь в вихре «кари-ново», вот я опять кланяюсь, кто-то мне за кулисами помогает сменить халат, и я танцую танец «Фархад и Ширин». И вот заключительный танец, который так понравился всем сидящим в зале,—это танец советской тематики «Раскрепощенная женщина-узбечка», который называется «шелкопряд». В этом танце выражалось бесправное прошлое и радостное настоящее узбечки. Я не чувствовала усталости. Кто-то дал мне воды, но я не могла сделать ни одного глотка.

Перед глазами все время стояла улыбка дорогого Сталина. Получить аплодисменты великого вождя народов—это была моя заветная мечта, которая сбылась. Счастливые, обрадованные, раскрасневшиеся, мы шли домой, делясь впечатлениями, а через несколько часов поезд нас вез домой, на родину, где нас ждал наш народ, гордый за успехи своих посланцев.

☆

Прошло три года. Узбекистан значительно вырос по сравнению с прошлыми годами. Наши колхозники получили высокую награду за социалистический урожай. И вот телеграмма из Москвы:

«Товарищи узбекистанцы! Готовьтесь к декаде в Москве».

Эта весть быстро облетела весь Узбекистан. Рады были даже те, кто не принимал участия в декаде. Но эта радость, общая радость народа, воодушевляла нас на успехи. С каким волнением мы готовились! Сколько бессонных ночей провели мы за кулисами! Какой наплыв народного творчества, сколько талантов выявили мы в подготовке к первой декаде! Словами трудно все рассказать. И кто видел, тот знает, что такое народный подъем сталинской эпохи.

Вот мы уже в поезде. Мы собрали самое лучшее, что было в искусстве узбекского народа,—вернее, что имели и чем были богаты, с тем ехали в Москву. Всю дорогу говорили о том, как все это произойдет. Меня замучили вопросами ребята и даже взрослые:

— Тамара, ну расскажи нам, какой Сталин?

— Такой, как на портрете,—сказала я. Вернее, я рассказывала всю дорогу о всем том, что я видела: как принимал Сталин и что он еще лучше, чем на портрете.

Разукрашенный лозунгами поезд мчался к Москве. На каждой станции нас встречали представители искусства, провожали, желая нам успеха.

Незаметно пролетело четверо суток. И вот поезд подходит к перрону вокзала Москвы. Из окон вагонов высунулись медные трубы корнаев, сурнаев. Изо всех окон и дверей выглядывали счастливые, радостные лица, даже на паровозе пристроились корнайчи. И так, с музыкой, с настоящим узбекским комфортом, под крики «ура» собравшихся на перроне знатных людей столицы поезд подошел к перрону.

Нас встречали народные артисты Союза, знакомые, родные. Нам кричали: «Да здравствует солнечный Узбекистан!» Заслуженная артистка Халима Насырова произнесла речь на узбекском языке, а на русском говорила я. Я не помню, как я говорила,—я запиналась, но говорила от чистого сердца. Было море цветов. Детей наших расхватали и понесли, передавая из рук в руки. После коротких приветствий нас повезли в гостиницу и разместили по номерам.

Москва приняла более тысячи человек участников декады. По всей столице ходили нарядные узбеки в роскошных халатах, девушки со множеством косичек, с загорелыми, румяными лицами. Детишки бегали по коридорам гостиницы, а потом, привыкнув, под шумок, тайно от родителей, бегали в метро покататься на эскалаторе.

— Они не так себе приехали, они тоже артисты,—говорили прохожие, трепля за косички и за смуглые щечки наших ребят.

— А вот эта черненькая—ее зовут Лола—это дочка Тамары Ханум, она так танцует, говорят, что лучше мамы.

— Лола,—говорит ей одна гражданка,—ты сегодня, наверно, не мыла глаз.

— Нет,—говорит Лола,—мыла, даже очень, это они у меня сроду такие,—говорит она на чисто русском языке, поражая всех окружающих.

Вот первый спектакль «Гюльсара». Я не была занята в этом спектакле и сидела в зале. После увертюры дали занавес. Зрителям представилась яркая картина, рисующая внутреннюю половину нарядной узбекской квартиры. Несколько минут длятся аплодисменты художнику, затем приветствуют молодую Гюльсару, которая поет о счастье матери, которая празднует рождение ребенка. Снова взрыв аплодисментов. На сцену прибежали дети—маленькие Дельбар и Лола. Они в паранджах. В зале хохот. Зрители знают, что только на сцене остались паранджи, и им смешно, но так было раньше. С малых лет

учили носить паранджу. Радуется Гюльсара, с нею вместе радуется зал. Плачет перед смертью мать Гюльсары, и вместе плачут зрители. И вот финал: Гюльсара сбросила паранджу, она ее больше не наденет, и отец ее никогда не продаст.

Москвичи радуются, аплодируют мастерству артистки, и вдруг все взоры обратились на ложу: товарищ Сталин и все члены правительства стоя аплодируют радостному искусству узбекского народа. Все артисты на сцене забыли, что на них смотрит зритель. Толкая друг друга, просовывались вперед, друг другу давили ноги, плакали, смеялись от радости. Так закончился первый спектакль.

На другой день спектакль «Фархад и Ширин». С пяти часов мы уже были все в театре. Все дома проверено и подготовлено, но несколько раз проверялось еще в театре. Каждая деталь должна быть на месте. Были споры, какой халат лучше надеть. После многих консультаций и споров решили надеть лиловый. Спектакль шел своим чередом, но не было руководителей партии и правительства—ложа была пуста. Закончив танец, я раздевалась, как вдруг приходит руководитель и говорит: «Одевайтесь снова». За десять минут привезли обратно в театр уехавших в гостиницу музыкантов. Пьеса заканчивается. В это время входят руководители партии и правительства.

По настоянию публики повторяется третий акт. Снова Фархад и Ширин сидят на троне, снова звуки корная, еще сильней и еще ярче заблестели прожекторы, опять по всей сцене я бегу с букетом к новобрачным—Фархаду и Ширин. Опять взрывы аплодисментов. В бешеном темпе, который закатил Уста Алим, я, как юла, неслась по сцене; отбивая мелкую дробь, вторила дойра. Упав на колени, я показывала все мастерство труднейших узоров рук. Это был кульминационный момент в танце. Это не во сне, это на яву, остановившись в заключительной позе, я видела первый хлопок Сталина.

Кто-то в тишине сказал: «Здорово!»—и под гром аплодисментов я опять бисировала. Пошел занавес, снова все стояли и кланялись, а потом уже, подойдя к ложе, все мы аплодировали за наше счастье нашему дорогому Сталину.

Так отзвенели дни декады, и вот я опять в Кремле. Я сидела рядом с народным артистом Союза Немировичем-Данченко. Под звуки замечательного оркестра, под крики «ура» вошли товарищ Сталин, товарищи Молотов, Каганович, Ворошилов, Буденный и др. Через несколько минут нас—Халиму, Мукаррам и меня—позвали за правительственный стол.

Не скрою, у всех нас дрожали ноги, но это была только одна минута. Потом товарищ Сталин сказал:

— Пусть народ наливает шампанское.

Товарищ Молотов произнес замечательную речь, поздравляя нас с успехами. И когда все кричали «ура», товарищ Сталин подозвал нас к себе. С высокими, блестящими бокалами шампанского мы подошли к нему. Чокаясь с нами, каждому из нас он говорил ласковые слова, и каждый из нас будет помнить это всю жизнь.

Декады народов говорят о том, что растет советское искусство.

После декады многие говорили, что я тоже выросла. Да и самой мне ясно, что расту с каждым днем. Как же не расти, когда я так счастлива.

Я, бывшая босая, растрепанная девчонка со станции Горчакова, стала знатным человеком в нашей великой Стране.

Я заверяю тебя, дорогой товарищ Сталин, что я и впредь постараюсь оправдать доверие народа, доверие партии и правительства. Так живи, дорогой отец, на страх врагам, на радость нам, долгие лета, отец трудящихся всего мира—дорогой Сталин!

М. Демченко

Депутат Верховного Совета СССР

☆

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Много чудесного, много неожиданного принесла мне жизнь. Такого, о чем я не смела и мечтать. Хотя радость приносит мне каждый новый день, один из них особенно глубоко врезался в память. Пережила я его двадцатитрехлетней девушкой. В тот день я впервые увидела великого Сталина. Произошло это на втором съезде колхозников-ударников, в 1935 году.

Не забыть, с каким чувством я ехала в Москву на этот съезд. «Вот я, простая колхозница-свекловичница,—думалось мне,—еду в Москву на совещание, где будет присутствовать все правительство, куда съезжаются лучшие в стране люди, и на этом совещании, вероятно, увижу величайшего человека нашей эпохи—товарища Сталина». Не верилось, что все это не сон.

Но вот, наконец, кончилось путешествие, я очутилась в Москве, а затем и в Кремлевском зале. Трудно найти слова, чтобы передать, что я почувствовала, когда за столом президиума появился так хорошо знакомый по фотографиям товарищ Сталин. Наконец, я его увидела! Я сразу почувствовала, что он простой и родной.

Позже я услышала свою фамилию: меня выбрали в президиум. Волнуясь, направилась я через зал, чтобы занять место за одним столом с Иосифом Виссарионовичем. Я сидела неподалеку от него. Заметив меня, товарищ Сталин улыбнулся и спросил:

— Мария Сафроновна?

Стараясь скрыть волнение, я негромко ответила:

— Да.

Внимательно и подробно, как заботливый отец, расспрашивал меня Иосиф Виссарионович о моей жизни и работе, о том, как идут дела в колхозе. Я перестала волноваться, моя робость прошла, и я подробно рассказала, как растила свеклу, как добилась урожая в 469 центнеров с гектара.

— При такой работе,—спросил товарищ Сталин,—можно получить и 500 центнеров с гектара?

Раньше чем ответить, я подумала. Понимала, какую беру на себя ответственность. Наконец, решилась и сказала, что дам 500 центнеров.

Ко мне повернулся товарищ Ворошилов.

— Слышишь, товарищ Демченко, пятьсот!—сказал он.—Подумай хорошенько.

Но я уже все обдумала.

— Дам пятьсот,—повторила я.

На память об этом дне я храню, как величайшее сокровище, портрет Иосифа Виссарионовича, подаренный мне им самим. Его рукой на портрете написано: «Товарищу Демченко Марии Сафроновне, за хорошую работу в колхозе от товарища И. Сталина».

Когда я ехала в Москву в следующий раз, я везла с собой рапорт товарищу Сталину о том, что данное ему обещание выполнила. Мое звено сдало на сахарный завод не 500, а 523 центнера свеклы с гектара.

В этот приезд в Москву я встретилась с товарищем Сталиным во второй раз. Произошло это в Кремле, на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей. Иосиф Виссарионович вошел в зал вместе с Калининым, Орджоникидзе, Ворошиловым, Микояном и другими членами правительства.

Навеки врезались в мою память сталинские слова:

«Мне вот 56 лет уже, видал виды, видал достаточно трудящихся мужчин и женщин. Но таких женщин я не встречал. Это совершенно новые люди. Только свободный труд, только колхозный труд мог породить таких героинь труда в деревне».

Еще раз выпало мне счастье сидеть за одним столом и разговаривать с товарищем Сталиным в президиуме X Всесоюзного съезда комсомола.

Эта встреча особенно запомнилась мне по одному, казалось бы, незначительному эпизоду.

За несколько дней до поездки в Москву я ушибла на работе палец. Он уже перестал болеть—ушиб был незначительный. Я совсем забыла о больном пальце, тем более не думала о нем на съезде. Мое место в президиуме оказалось недалеко от Иосифа Виссарионовича. Каково же было мое удивление,

когда товарищ Сталин, поздоровавшись со мной, спросил, что с моим пальцем.

«Сколько в этом великом человеке заботливости, тепла и внимания к людям,—подумала я,—если он, постоянно занятый разрешением величайших проблем, обратил внимание на этот ничтожный ушиб!»

И еще один эпизод поразил меня в тот памятный день. Я разговаривала с Пашей Ангелиной. Мы обсуждали трудности своей работы. Мне казалось, что труднее всего работа свекловичницы, а Паша считала более трудной работу трактористки. В разговоре принял участие Иосиф Виссарионович. Он подробно разъяснил особенности работы на свекловичных полях. Совершенно правильно, точно сам работал на плантации, Иосиф Виссарионович указал на то, что в нашем деле возможен ряд неожиданностей: засуха, сельскохозяйственные вредители, ранние морозы и многое другое, что не мешает работе трактористки. Я была поражена. «Как хорошо, как детально знает он особенности работы каждого из нас, как глубоко вникает во все мелочи!»—подумала я.

Величественным и одновременно простым, теплым, человечным запечатлен в моей душе образ гениального вождя.

П. Ковардак

Депутат Верховного Совета СССР

☆

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

В жизни бывают дни, которых никогда не забудешь—врежется в память каждая мелочь и вспоминается через многие годы так, как будто дело происходило вчера.

В моей жизни был такой замечательный, запомнившийся на веки день. Это день, когда я впервые увидела нашего отца и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина, да еще и перемолвилась с ним несколькими словами. И это счастье выпало мне, простой девушке-трактористке. Заслужила я его только тем, что старалась работать как можно лучше.

Трактористкой я сделалась в 1931 году. Когда я села в первый раз на трактор, то и в мыслях не имела, что через четыре года моей скромной работой заинтересуется великий Сталин.

В 1935 году я со своим напарником на тракторе СТЗ выработала более 1 200 гектаров. Только закончили мы осенний ремонт, приехал товарищ из района и сказал, что мне предстоит поездка в краевой центр и Москву. Я сначала не поверила и не придала этому значения, думала: «Съезжу в Ростов и вернусь к своему трактору». Однако из Ростова мне действительно пришлось ехать в столицу на совещание передовиков урожайности. С этого момента начала я волноваться. Думала: «Неужели правда, что я побываю в Кремле, увижу Иосифа Виссарионовича?» Волновалась в дороге, еще больше по приезде в Москву, а в Кремль пошла сама не своя.

Другие участники совещания, вероятно, переживали то же, что и я. Собрались мы в Большом зале Кремлевского дворца и с нетерпением ждали появления членов правительства. Я была так возбуждена, что не отдавала себе отчета, много ли прошло времени, как вдруг по залу точно пробежал электрический ток. И тотчас же за столом президиума я увидела руководителей партии и правительства во главе с товарищем Сталиным. Мы приветствовали вождя долго не смолкавшими аплодисментами.

Делегация Азово-Черноморья, в которой я находилась, сидела в первых рядах, и мы имели возможность видеть президиум и товарища Сталина очень хорошо.

Первое впечатление—Иосиф Виссарионович очень похож на свои фотографии. Они не лгут, эти фотографии! Они точно передают скромность и простоту нашего Сталина.

Сталин сидел в президиуме совещания. Он улыбался или хмурил брови, прислушиваясь к ораторам. Я смотрела на него, и все-таки мне не верилось, что я сижу в Кремле, что передо мной наш друг и учитель, наш любимый Сталин.

На этом совещании товарищ Сталин не произносил речи. Иногда только он подавал реплики. Большей частью эти реплики относились к выступавшим ораторам с мест. Многие робели. Иные говорили не то, что хотели. Когда один из участников совещания, держа в руках бумагу и сильно волнуясь, в третий раз начал читать написанное на бумаге приветствие руководителям партии и правительства, товарищ Сталин нагнулся и сказал ему с ласковой улыбкой:

— Вы бросьте бумажку... Говорите о том, что сами знаете.

Говоривший товарищ с облегчением отложил бумагу, высказал, что хотел, и попросил разрешения пожать руку товарищу Сталину. И под аплодисменты всего совещания он пожал руку товарищу Сталину.

Мне пришлось говорить в конце заседания. Не чувствуя себя подготовленной к такому ответственному выступлению, я сначала хотела отказаться. Но, посмотрев на товарища Сталина, я вдруг набралась смелости и, как только председатель назвал мою фамилию, спокойно направилась к трибуне. Просто, как умела, рассказала я о своем колхозе, о своей работе и достижениях. Закончила благодарностью партии и правительству. Я поднялась в президиум и тоже пожала руку Иосифу Виссарионовичу. В зале раздались аплодисменты, шум, большинство членов президиума покинуло свои места и окружило меня.

Не помню, как я пожимала руки членам президиума. Пришла в себя только, когда очутилась вновь перед товарищем Сталиным. Верно, он понял, что со мной творится. Захотел ободрить и просто, по-товарищески предложил мне стул. Когда я немного успокоилась, Иосиф Виссарионович заботливо спросил:

— Вам не тяжело будет работать на тракторе ЧТЗ?

Я ответила, что не тяжело, что я надеюсь на свои силы.

— Берегите свое здоровье,—ласково сказал Иосиф Виссарионович,—а мы вам поможем.

Так впервые пришлось мне увидеть великого Сталина. Обстоятельства этой встречи никогда не изгладятся из моей памяти, а его ободряющие, заботливые слова постоянно наполняют меня желанием учиться и работать еще лучше на благо нашей великой родины.

☆

Мне посчастливилось еще раз провести несколько часов в непосредственной близости от товарища Сталина—на Чрезвычайном VIII съезде Советов. Я была избрана членом редакционной комиссии. Заседания комиссии происходили в небольшом сравнительно зале. Больше двухсот человек собиралось на эти заседания. Я сидела во втором ряду. Невысокий помост президиума позволял мне хорошо видеть Иосифа Виссарионовича. Товарищ Сталин председательствовал на этом заседании. Он часто шутил, вызывая смех всей комиссии. Он был еще более простым и близким нам.

Помню я еще и такую деталь. По одному из пунктов Конституции возник спор между товарищем Вышинским и кем-то из членов комиссии. К сожалению, я забыла фамилию этого товарища, но помню, что он был работником центрального советского или партийного аппарата.

Товарищ Вышинский и его противник несколько раз выступали один против другого. А мы, остальные члены комиссии, очень скоро стали на сторону Вышинского. Очевидно, и товарищ Сталин считал спор решенным в пользу Вышинского, и, когда его противник еще раз попросил слова, Иосиф Виссарионович сказал, улыбаясь:

— Вот когда кончится совещание, я вам дам слово.

☆

В качестве депутата Верховного Совета СССР я бываю на сессиях Совета и, разумеется, на каждой сессии вижу товарища Сталина. Мне не приходилось больше так близко встречаться с нашим вождем. Сидя в зале, я иногда только смотрю на Иосифа Виссарионовича, слушаю его реплики. И когда докладчик или депутат, выступающий в прениях, говорит о чем-то таком, что важно, значительно для страны, что радует или беспокоит тебя, невольно поворачиваешься в сторону товарища Сталина. В такие мгновения в бесконечно дорогом облике нашего вождя черпаешь уверенность в том, что народы нашей страны, руководимые товарищем Сталиным, преодолеют все и всяческие препятствия, и радуешься, видя перед собой организатора всех наших побед и достижений.

В работе, в учебе, в своих мыслях о будущем и о прошлом,—словом, во всем значительном, что происходит со мной, что я переживаю, я часто мысленно беседую с товарищем Сталиным и всегда думаю: «Как бы он отнесся к происходящим в моей жизни событиям, фактам? Какое решение одобрил бы в этом случае товарищ Сталин?» И от этих мыслей мне всегда становится легче принять решение, становится яснее, что надо делать, чтобы быть достойной дочерью нашей великой страны и нашей великой партии.

П. Ангелина

Депутат Верховного Совета СССР

☆

С ИМЕНЕМ СТАЛИНА В ДУШЕ

Многие девушки нашей страны мне завидуют—я это знаю. Если правду говорить, то когда задумаешься над всем этим, когда зажмуришь крепко-крепко глаза и начнешь мысленно себе представлять все картины встреч с товарищем Сталиным,—невольно хочешь воскликнуть:

— Да, есть чему завидовать!

Представим себе простую, неграмотную девушку-гречанку, жившую в темноте и постоянных лишениях, девушку, которая не могла выходить на улицу с открытым лицом, ибо это означало нарушить какой-то закон отцов. И вот эта самая девушка в один прекрасный для нее день сбрасывает с себя покрывало, садится на трактор, работает не хуже любого мужчины, увлекает за собой таких же девушек, как она сама, ставит стахановские рекорды и в конечном итоге становится знатным человеком Советской страны. Еще через какое-то короткое время эта девушка, как в какой-то сказке, переносится в прекрасный дворец Кремля и в огромном зале с колоннами сидит за дружеской беседой с человеком, который является отцом и надеждой всего трудового человечества, рядом с самым великим и самым мудрым человеком всех времен и народов—рядом с родным Сталиным! Есть от чего приходить в восторг! Есть чему нескончаемо радоваться!

Прошло только четыре года. Они представляются мне, как волшебный сон. Когда я ехала в Москву на съезд колхозников-ударников, я не могла в вагоне ни есть, ни спать. Мысли были полны только одним: увижу или не увижу товарища Сталина? Каков он собой?

— Только бы не растеряться, только бы не оробеть!

А когда я увидала этого простого, скромного человека, почувствовала на себе его отеческий, любящий взгляд, услышала его добрый, проникновенный голос,—от всех моих страхов и опасений и следа не осталось. Только сердце забилось сильно-сильно. Я смотрела восхищенными глазами на товарища Сталина, как бы вбирая в свою душу навсегда, на всю жизнь его образ. Затем я сразу же успокоилась, взяла себя в руки и, получив от председателя слово, стала говорить. И на протяжении всей моей речи я чувствовала на себе отеческий, ободряющий взгляд товарища Сталина. Во время одного из перерывов я столкнулась с товарищем Сталиным в боковом зале. Он остановил меня, стал расспрашивать о моей жизни, о работе. Беседа длилась недолго. Товарищ Сталин закончил ее тем, что просил передать привет всем колхозникам и девчатам моей бригады.

И впоследствии, сколько бы раз я ни встречалась с товарищем Сталиным, он всегда с каким-то глубоко отеческим интересом слушал рассказ о моем житье-бытье, о моих планах на будущее. Говорил со мной товарищ Сталин в шутливой форме. А шутит он мягко, по-доброму, ласково. Никогда-никогда не забудешь его улыбки! От нее теплота передается человеку, а на душе так радостно и солнечно!

Мне пришлось встречаться с товарищем Сталиным много раз. И всегда я видела только одно—я видела, как товарищ Сталин умеет прислушиваться к людям, как он уважает достоинство человека, как он умеет ободрить, укрепить силу и веру человека в самого себя. Товарищ Сталин предельно заботлив, и эта забота проявляется даже в мелочах. Помню, однажды после вручения нам орденов происходила фотосъемка. Нас всех усадили, а товарищ Сталин и его соратники стояли сзади. Я поднялась и говорю:

— Товарищ Сталин, вы сядьте, а мы, молодые, постоим!

А товарищ Сталин улыбнулся и говорит:

— Нет, уж сидите вы, а мы постоим: ведь вы у нас в гостях.

Пока фотографы налаживали съемку, товарищ Сталин и его соратники беспрерывно шутили с нами.

— А как вы трактор заводите?—смеясь, спросил товарищ Сталин.

— Мы-то? Здорово крутим, товарищ Сталин! Мужчины и те у нас учатся...

Все вокруг засмеялись.

Какой любовью и признательностью отозвалась в моем сердце забота, проявленная товарищами Сталиным и Ворошиловым во время X съезда комсомола, о моем будущем ребенке!

— Смотри, Пашенька, чтобы обязательно было пополнение для Красной Армии!

Надежды вождей я, однако, оправдала с некоторым опозданием: у меня сначала родилась девочка, а затем уже мальчик. Я назвала его в честь великого летчика нашего времени Чкалова—Валерием.

Когда беседуешь с товарищем Сталиным, он не дает своему собеседнику волноваться. Всегда что-нибудь скажет шутливое, ободряющее, простое, дружеское. И все же думаешь: что бы такое ответить? Ответить так, чтобы оно хоть в слабой мере соответствовало той простоте и задушевности, какой проникнуты слова родного Сталина? Проще всего было бы, конечно, сказать Сталину о своей беззаветной преданности ему, партии, народу. Но тут же думаешь, что это, пожалуй, не то,—что в такие моменты нужны еще какие-то другие слова. И у меня почему-то всегда рождается непреодолимое желание сказать ему, как я отныне буду работать. Я начинаю говорить о своем тракторе, о его возможностях и тут же даю обязательство умножить свои достижения. Товарищ Сталин слушает меня, не прерывая, одобрительно кивает головой и улыбается.

На Всесоюзном совещании передовиков урожайности, трактористов и машинистов молотилок товарищ Сталин пять раз прерывал мою речь возгласами, вопросами и замечаниями. Я вообще не умею говорить речей. По-моему, работать гораздо легче, чем говорить. Стоит только товарищу Сталину вставить хотя бы одно слово, как мысли у меня вновь вспыхивают с удвоенной силой.

На этом совещании я докладывала, как выполнила слово, данное товарищу Сталину на втором съезде колхозников-ударников. Тогда я обещала сделать на тракторе 1 200 гектаров.

Взошла на трибуну. Не помню, как я передавала товарищу Сталину лично в руки письменный рапорт. Затем я раскрыла тетрадку с набросанными тезисами. От охватившего меня волнения не могла начать говорить. Но вот я обернулась к президиуму, перехватила сталинский веселый, ободряющий взгляд и мигом успокоилась. Как-то сразу нашла себя. И начала говорить.

Один из трактористов, выступавший до меня, сказал, что он сделал 1 600 с лишним гектаров. Товарищ Сталин, обращаясь ко мне, заметил, что вот, мол, я сделала только 1 225 гектаров.

— Но, товарищ Сталин, зато я больше сэкономила горючего! 20 154 килограмма!

Тогда товарищ Сталин вновь прервал меня вопросом:

— А сколько человек у вас в бригаде?

— Девять человек, и все они здесь.

Тут товарищ Сталин опять спрашивает:

— Сколько дали на трактор?

— В среднем 1 225,5 гектара.

Все зааплодировали. Я видела, что аплодировал и товарищ Сталин.

Когда я сообщила, что в 1936 году мне придется работать с новыми кадрами, так как члены моей бригады идут либо на учебу, либо сами станут бригадирами, товарищ Сталин заботливо повторил:

— Кадры, кадры!

В ответ на мою фразу: «Наши девушки работают и веселятся, товарищ Сталин. Сейчас у нас все вместе—и работа и культурная жизнь»,—товарищ Сталин сказал одобрительно:

— Хорошо!

Возгласом «Правильно!» товарищ Сталин сопроводил также следующее мое заявление: «Мы делаем вот так: если трактористка грязная, не смей подходить к трактору. Ты грязная, и трактор будет грязный».

Все обязательства, которые я дала лично товарищу Сталину, я выполнила. Я превысила свой первый рекорд, организовала 10 женских тракторных бригад. (А теперь у меня на родине работает даже 18 бригад.) Товарищ Сталин послал меня учиться, и я учусь в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Мне 26 лет. Я депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КП(б)У, член Сталинского обкома партии. И всему этому я обязана только товарищу Сталину, только нашей партии.

Здесь уместно вспомнить еще об одной замечательной черте товарища Сталина. Когда он появляется на трибуне и мы все в единодушном восторге начинаем бурно ему аплодировать, он аплодирует вместе с нами. Он как бы говорит: «Ваши восторги я отношу не к себе, а к партии, верным сыном которой я являюсь; я отношу их к тому великому делу, которому мы вместе с вами беззаветно служим».

Вот каков наш родной Сталин! Вот таким я ношу в своем сердце его образ. Я хожу, работаю и добиваюсь успехов с именем Сталина. И когда я приезжаю к себе на родину, вижу свою старенькую-старенькую мать, которая, слушая мои рассказы о Кремле, о товарище Сталине, тихо шевелит губами и с каким-то проникновенным выражением на лице шепчет: «Сталин—наш родной отец»,—я не выдерживаю и плачу радостными, счастливыми слезами...

Товарищ Сталин, живите еще столько же и еще столько!

СОДЕРЖАНИЕ

Встречи с товарищем Сталиным
Государственное издательство
политической литературы. 1939
Редактор *Г. Акопян*
Художественное оформление книги *Н. Седельникова*
Корректора *З. Лебедева, Б. Вайнтрауб* и *Р. Денисова*
Технический редактор *М. Пиотрович*
Сдано в набор 7 декабря. Подписано в печать 16 декабря
Формат 60 × 91 1/16. 14 п. л. 7 бум. л. 40 тыс. зн. в 1 п, л.
Изд. № 391. Индекс АГ/Масс. Тираж 25 000 экз.
Уполномоченный Главлита А-21750.
Зак. № 776.
Цена 7 руб.
3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

